

*Счастливая.
Замужем.
Бесследно пропала.*

ТРИЛЛЕРЫ

АДЕЛЬ ПАРКС

SUNDAY TIMES NUMBER ONE BESTSELLER
ПРОДАНО ЧЕТЫРЕ МИЛЛИОНА
ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Адель Паркс
Двое
Серия «Хиты Amazon.
Триллеры Адель Паркс»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68311954
Адель Паркс. Двое: Издательство АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-146836-1

Аннотация

Раз-два-три. Попробуй решить уравнение из трех переменных.
Раз – Ли Флетчер, счастливая жена и любящая мачеха, пропала без вести в понедельник.

Два – Кэй Янсенн, жена богатого бизнесмена, пропадает в среду, как в воздухе растворяется.

Три – детектив Клементс, без сна лежит в кровати, пытаюсь понять, что связывало женщин из двух абсолютно разных миров.

Ни одного тела. Две жертвы. Один ответ.

Но какой?..

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

110

Адель Паркс

Двое

Adele Parks

BOTH OF YOU

Печатается с разрешения HarperCollins Publishers Ltd.

© Adele Parks 2021

© Яновская А., перевод, 2022

©ООО «Издательство АСТ», 2022

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Абду Мохаммеду Али.

Техническому гению, спасшему ситуацию.

* * *

I

Вторник, 17-е марта, 2020

Меня поглотила пустота. Я не у себя в кровати. Я вообще не в кровати.

Как только я открываю глаза, я понимаю – что-то не так. Сильно не так. Вокруг темно. Я заключена в угрожающей, душной черноте. Я лежу, но дезориентирована, потому что подо мной холодный бетонный пол. Похоже его должны были покрыть плиткой, но что-то немедленно говорит мне, что этого никогда не случится. Мой ум неповоротлив и не способен понять, почему я так думаю. Не помню, когда в последний раз спала на полу, миллион лет назад, будучи студенткой, ночующей у других в комнате, если была слишком пьяна, чтобы добраться домой. Я пытаюсь сесть, конечности кажутся тяжелыми, голова болит. Я пробую встать, но меня дергает назад, так как левая рука привязана. Прикована. Я слышу лязг цепи и ощущаю холодный рывок. Может, я сплю? У меня в голове пульсирует боль, нарастает и лопается, я снова закрываю глаза, веки царапаются, как наждачка, я открываю их во второй раз, давая им время привыкнуть к темноте. Может, из-за головокружения все кажется незнакомым? Неустойчивым? Я чувствую себя медленной, заторможенной.

Сколько я вчера выпила? Я пытаюсь вспомнить. Не могу. А затем – это ужасает – я понимаю, что совсем не помню прошлого вечера. Меня мутит. Я ощущаю запах блевотины, предполагающий, что меня уже тошнило. Я не должна про-

сыпаться с запахом блевотины. Где запах утреннего дыхания моего мужа? Нет ни аромата тостов, доносящегося с кухни, ни смеси лайма, базилика и мандарина от комнатного спрея Jo Malone, который я иногда ощущаю по утрам. Я в каком-то пыльном, сухом месте, где немного жарковато. Я что, в больнице? Нет. В какой больнице пациентов кладут на пол, приковывают их? Кругом тишина. Мои мальчики не пререкаются на кухне, не орет телевизор, не открываются, не хлопают двери, не слышно требовательных «Мам, где мои футбольные шорты?». Я жду, иногда я просыпаюсь более спокойно. Иногда это Радио 4 или запах кофе.

Ничего.

Меня затапливают тревога и страх. Мои внутренности и конечности превращаются в жидкость, и я не могу координировать свои движения. Мой затуманенный мозг понимает, что меня чем-то накачали. Меня похитили. Ужасная вещь, о которой читаешь, случившаяся с кем-то – кем-то другим – случилась со мной.

Я в панике дергаю цепь, но она не поддается. Я шарю в темноте. Пытаюсь понять, что меня окружает. Я не могу двигаться далеко из-за цепи, прикованной к обогревателю на одном конце и стяжкой к моему запястью на другом. Она примерно метр в длину. Когда мои глаза приспособляются, я вижу, что комната примерно три на два метра, как стандартная гостевая. Стены обклеены обоями. Вокруг чисто и пусто. Я не на захудалом складе или в заброшенном коттедже. Комна-

та невзрачная, без каких-либо отличительных черт. Думаю, в этом и смысл. Я могу быть где угодно. Здесь нет мебели. Совсем. Ни кровати, ни матраса, ни лампы. Ничего, чтобы смягчить или успокоить. Только пластмассовое ведро. Я понимаю, зачем оно, и меня снова охватывает приступ тошноты. Я вижу очертания двери и заколоченное окно. Я не могу достать до двери, потому что она в дальнем углу, или до окна, так как оно находится в конце противоположной стены от обогревателя, к которому я прикована.

Я собираюсь взглянуть на время, но мой фитнес-браслет сняли. По моему телу уколами проносятся чувства отчужденности и растерянности от незнания времени или даже того, какой сегодня день. И все же у меня еще есть голос. Я могу кричать и, может, привлечь внимание. Я мимолетно подумываю, что крики могут привлечь внимание человека, притащившего меня сюда. Он может сделать со мной что-нибудь похуже, чем приковать, но у меня нет выбора.

– Помогите! Помогите мне! Помогите! – Мой голос разбивает мертвую, неестественную тишину. Я кричу снова и снова, пока не охрипну. Боль в моей чувствительной голове усиливается.

Никто не приходит.

Никто не отвечает.

Тишина затягивается. Я прекращаю кричать и прислушиваюсь. Надеюсь услышать что-то – машины вдалеке, людей на улице, пение птиц, пока свет медленно пробирается

сквозь заколоченное окно. Новый день, но который? Ничего. Я словно в вакууме. Затем я слышу шаги, приближающиеся к двери.

– Пожалуйста, пожалуйста, выпустите меня, – скулю я. Теперь я плачу. Я не знаю, когда начала плакать. Слезы и сопли стекают по моему лицу. Я не хочу быть слабой. Я хочу быть сильной, смелой, стойкой. Такими вы себя представляете в подобной ситуации, но это выше моих сил. Это смехотворная фантазия. Я просто в ужасе. Я буду умолять, упрашивать, клянчить. Что угодно, лишь бы остаться в безопасности. Что угодно. – Пожалуйста, пожалуйста, не трогайте меня. Пожалуйста.

Потом я слышу отчетливый стук клавиш старомодной печатной машинки. Что-то вроде шаркающего тук-тук-тук. Медленно, точно. Как враждебный обратный отсчет. Затем доносится шелест трепещущей бумаги, резко выдернутой из катушки машинки. Этот устаревший звук сюда не вписывается, его царство – оживленные офисы газет прошлых десятилетий. У кого теперь есть печатная машинка? Слышится шорох, когда бумажку проталкивают под дверь. Я тянусь к ней, но не могу ее достать. Я растягиваюсь на полу и осторожно, очень медленно, подтягиваю ее ближе пальцами ноги, пока мне не удастся пододвинуть ее достаточно близко, чтобы схватить.

«Не я здесь плохой».

Ли

Воскресенье, 15-е марта

Воскресенье. Мальчиков нет дома. Всех троих. Мне, наверное, не стоит называть Марка одним из своих мальчиков. Это умаляет его, а он совсем не такой. Он очень способный. Сильный. Это просто сокращение. И если я скажу, что моего мужа и сыновей нет дома, это прозвучит формально и педантично.

К тому же не совсем точно.

Моего мужа и *его* сыновей нет дома. Мысль вспыхивает у меня в голове, щипая сильно и жестоко. Даже теперь. Это внезапное и грубое разделение ранит. Хотя оно не было внезапным, не так ли? Не совсем. Уж лучше мне быть с собой честной. Оно всегда было. Дисбаланс, который ощущали обе стороны и пытались никогда его не признавать. Дисбаланс, который невозможно было игнорировать в последние несколько месяцев, когда Оли начал настойчиво подчеркивать эту разницу.

Они *мои* сыновья. Я всегда считала их своими сыновьями, я люблю их как своих. Я не могла бы любить их еще больше.

Правда не могла бы.

Я делала все, что может мама. Я купала их, ухаживала за ними, кормила их, покупала им вещи, играла с ними – ох, эти бесконечные, бессмысленные игры! Я учила их. Не только алфавиту и как завязывать шнурки, я научила их плавать, кататься на велосипеде, отмерять ингредиенты для готовки, застегивать пуговицы, завязывать узлы, определять время, переходить дорогу. Я пытаюсь научить их о мире всему, чему могу. Я хочу наполнить их знаниями, силой и любопытством, потому что эти качества будут поддерживать их, когда меня не будет рядом. Но иногда – может, все время – дети не податливые. Они не замечают и не понимают ваших больших мотиваций. Они не знают, что вы пытаетесь их обезопасить, помочь им расти. Они просто думают, что вы – строгий родитель, который одержим их учебой и чисткой зубов.

Они *мои* сыновья. Что бы там ни говорил Оли.

Это разбивает мне сердце. Все предупреждали меня, что этот этап настанет где-то в их подростковом возрасте, когда им хочется испытывать границы, развивать собственную личность, устанавливать свои планы, создавать новые миры, в целом превращаться в маленьких говнюков. Моя лучшая подруга, Фиона, шутит, что Оли мог бы делать вещи намного похуже, чем называть меня Ли. Он мог бы прогуливать школу, воровать из магазинов или накуриваться каждый вечер. Она говорит, что я должна быть благодарна. Это не так, я разбита. Потому что это не этап, а протест. Заявление. Я действительно не их биологическая мать, но единственная,

которая у них есть, поэтому можно было подумать, он примет, что я стараюсь изо всех сил. Мы были так близки.

Мы снова поссорились из-за этого ранее утром. Я заполняла онлайн родительскую форму насчет его выпускного. Просто всякие данные об аллергии (у него ее нет) и разрешение поехать на транспорте, везущем детей на вечеринку после него (я согласилась). Ничего неоднозначного. Он сказал, что у меня нет права. А ведь я плачу за эту чертову вечеринку.

Марк просто сказал, что это неподходящий день, чтобы в это ввязываться. Он всегда так говорит. Нам не стоит в это ввязываться в школьный день, потому что дети накануне выпускных экзаменов и так под достаточным давлением, нам не стоит в это ввязываться на выходных или каникулах, потому что это испортит настроение. Нам не стоит ввязываться в это в любой день недели. Хотя это тянется все время. Оли кипит. Фыркает. Дуется и большую часть времени отвечает односложно.

Когда они куда-то идут – послушайте, это ужасно признавать, – но иногда, когда за ними захлопывается дверь, и я знаю, что нас разделяют стены, тишина меняется. Зачастую она кажется давящей и обвиняющей, но я чувствую себя свободнее. Без посторонних взглядов мне легче думать.

Они навещают сестру первой жены Марка. Он сохранил близкие отношения с ее семьей, а особенно с сестрой. Обычно я езжу с ними к Пауле и ее семье, но сегодня я по ряду

причин решила остаться. Я сказала, что мне нужно сделать несколько звонков, меня ждет груда стирки, а пол на кухне не нуждается в мытье. Воскресный обед был довольно насыщенным. Пока мы ели, наш кот, Топаз, запрыгнул на кухонную стойку и потоптался в оставленных там жирных противнях, оставив повсюду дорожку жирных следов. Он большой, жадный кот, и каким-то образом умудрился поднять куриную тушку и сбросить ее на пол, где она проскользила, размазав за собой полосу жира. Обнаружение кота над курицей, пожирающего оставшиеся кусочки мяса, привело к мини-кризису, когда Себ запаниковал, что кот может подавиться куриной косточкой. Он не подавился, просто агрессивно шипел и царапался, когда я оторвала его от добычи. Я не слишком чистюля. Прежде, чем стать матерью и женой, я содержала свою квартиру в чистоте, но однажды прочла надпись на магните для холодильника: «Чистый дом – признак попусту потраченной жизни», и поняла, что согласна с ней больше, чем чуть ли не со всем прочитанным в жизни.

Я терпеть не могу пустых трат.

Особенно траты времени впустую.

Однако, даже с моими довольно смягченными стандартами, я не могла оставить кухню в липком жире; мальчики бы разнесли его по коврам, Себ – который был немного неуклюжим – несомненно поскользнулся бы на нем. Поэтому я сказала, что останусь и приведу все в порядок.

Кроме того, я ненавижу кладбища.

Сегодня годовщина смерти Фрэнсис. Одинадцать лет со дня, как они потеряли свою настоящую мать. Первую жену Марка. Мою предшественницу. Предтечу. Марк увез их навестить ее могилу. Сестра Фрэнсис, Паула, и ее муж с тремя их дочерьми тоже поедут. Фрэнсис похоронена в нескольких минутах от дома Паулы, поэтому она часто навещает ее могилу – ухаживает за ней, вырывая сорняки и принося свежие цветы. Трое ее девочек посещают могилу так часто, что они говорят об этом так же, как о визите к бабушке или на игровую площадку. «Пойдем к тетушке Фрэнсис?», радостно спрашивают они постоянно. Я думаю, им просто нравится покупать цветы у флориста – а какой маленькой девочке это не нравится? Дети Паулы еще не родились, когда умерла Фрэнсис, но она поддерживала ее жизнь в их воображении, и для моих мальчиков тоже. Она вечно рассказывает Оли и Себу истории о Фрэнсис. У нее уникальное положение для этого, и я считаю, что мальчикам важно чувствовать себя комфортно при разговорах о матери. Хотя я не думаю, что она обязательно должна быть главной темой разговора при *каждой* их встрече со своей тетей, иногда было бы неплохо, если бы Паула могла поговорить с мальчиками, не прервав предложения, чтобы воскликнуть: «Вам нравится торт с шоколадной помадкой? Само собой, ваша мама *обожала* торт с шоколадной помадкой» (ну а кому он не нравится?) или «Вы так похожи на вашу маму в этом возрасте. Просто копия». Мальчики на самом деле похожи на отца, но я полагаю, они

могли унаследовать незнакомые мне повадки от Фрэнсис. Я не веду себя неуважительно по отношению к ней. Я понимаю, что по всем рассказам она была чудесной женщиной. Доброй, терпеливой, смешной, умной. Никто о ней и словом плохим не обмолвился (что, если честно, мне сложно проглотить – никто не идеален). Я также понимаю, что некоторые люди получают большое утешение от посещений могил, им нравится показывать уважение и демонстрировать, что хоть человека больше нет, о нем не забыли. Мне посещение могил кажется нездоровым. И в этом случае – методом давления.

Просто дело в том, что мы с Паулой не близки. Мы не ссоримся, но мы не находим общий язык. Никогда не находили. Мы вежливо общаемся. Я полагаю, ее холодную отстраненность можно понять. Марк мог получить новую жену, но она никогда не получит новую сестру. Я понимаю, что если бы Фрэнсис трагически не умерла от рака, я бы никогда не стала женой Марка, мачехой Оли и Себа, потому что они не были из тех пар, которые когда-либо разошлись бы. Они были счастливы. Марк никогда бы не обратил на меня внимания.

Но Фрэнсис умерла.

Нужно много силы и решимости, чтобы не считать себя вторым выбором. На втором месте. Я постоянно напоминаю себе, что я не план Б, я просто другой путь. Я посещаю ее могилу с ними на ее день рождения и даже на Рождество, прямо перед тем, как ринуться по М1 к родителям Марка –

хотя это сводит меня с ума, потому что на Рождество есть тонна дел и все они срочные. Я просто думаю, что делать событие из годовщины смерти – это слишком.

Я лучше помою кухонный пол.

Сначала я займусь домашними делами, а потом усядусь звонить друзьям и родственникам. Это будет моей наградой после рутинного труда. Я спланирую следующую неделю, обсужу бары и рестораны, куда стоит сходить, напому себе, что есть другие способы подтвердить ценность своей жизни помимо моего успеха – или его отсутствия – в материнстве для Оли и Себа, и браке с Марком.

Не поймите меня неправильно. Мы очень счастливая семья. По большей части. Очень счастливая. Просто иногда – и вам это скажет любая мать – иногда материнство кажется немного неблагодарным, немного безнадежным. Ну, если не безнадежным, то уж точно вне вашего контроля. Я думаю, это самый сложный урок, который мне пришлось выучить в качестве родителя – как бы ни старалась, я не могу гарантировать счастье и успех моих сыновей. Внешние силы постоянно вмешиваются. Силы, которые значат для них больше, чем я. Компании друзей, строгие или придирчивые учителя, лайки и подписчики в соцсетях, выберут ли их в команду и пригласят ли на вечеринку, считают ли они себя достаточно высокими, слишком толстыми, слишком худыми, слишком прыщавыми. Являются ли они лучшими в чем-то, в *чем-нибудь*. Было легче, когда они были маленькими – объятие, раз-

ноцветный лейкопластырь или леденец могли решить практически все.

Мне нравится слушать музыку, когда в доме пусто. По двум причинам. Во-первых, чтобы заполнить пустоту, которую обычно занимает пиццание видеоигр, кричащая музыка или телевизор, а во-вторых, потому что, когда мальчики дома, мне редко удается выбрать музыку. Оли нравятся хип-хоп и рэп, Себ притворяется, что они и ему нравятся, так как восхищается своим старшим братом и пытается подражать каждому его движению – копировать его стиль, предпочтения в музыке, еде, сериалах – и все это к огромному раздражению Оли. Из-за того, что обоим мальчикам нравятся хип-хоп и рэп, злобные тексты и тяжелые, настойчивые биты гремят в наших комнатах когда они дома, а мои предпочтения не учитываются. Никто бы не назвал меня фанаткой музыки. Я перестала следить за группами, когда Oasis и Blur начали сползать в чартах. Бóльшая часть моей любимой музыки не появляется на радио, но мне нравится танцевать. Мне нравится, когда ритм проносится по моему телу. Наверное, я музыкальный эквивалент человека, говорящего, что ничего не знает о вине кроме того, которое им нравится пить.

Иногда я слышу песню у Оли или Себа и говорю: «Что это? Мне нравится». Еще полгода назад это вызывало у Оли улыбку, он восторженно показывал мне какие-то непонятные видео на YouTube и делился фактами об исполнителе: он был в тюрьме, он выступал с яхты перед толпами на бе-

регу, он раздал десять миллионов наличкой в своем районе. Миры, описываемые им, мне чужды, я помню времена, когда самым неожиданным поступком поп-звезды было накрасить глаза. Но мне нравилось слушать его увлеченные рассказы. Мне нравилось видеть его оживленным, и для меня было честью, что он выбрал поделиться своим восторгом со мной. Я скучаю по этому. Я скучаю по нему.

Однажды я совершила ошибку, сказав, что после того как услышала Тейлор Свифт по Радио 1, считала ее своим тотемным животным – потому что она словно пишет о моих чувствах. Ну, о прошлых чувствах, когда я была молодой и ранимой. Похоже, эти вещи не меняются для женщин вне зависимости от продвинутости мира. Примерно в то время я заметила, как изменилось отношение Оли ко мне. Когда я сказала о тотемном животном, он не понял, не разобрал шутку или мою попытку сблизиться. Он ужаснулся. Внезапно разозлился, что я могу посягнуть на его мир молодости и возможностей, влюбленностей, и тайных деяний под одеялом (в одиночестве).

– Ты даже не знаешь, что такое тотемное животное, – огрызнулся он. – Другой человек не может быть твоим тотемным животным.

– Я знаю, я пошутила! – сказала я с улыбкой, пытаюсь вовлечь его в разговор. – Но она невероятная, не так ли? Словно понимает все о тайных желаниях, победах и ошибках. – Услышав ее по радио, я скачала ее последний альбом.

Я включила ее на телефоне. – Послушай. – Я начала танцевать по кухне. Мы с Оли изначально сблизились на теме танцев. Раньше он залезал мне на ступни и я шагала с ним в странном, медленном и шаркающем танце, как когда-то со мной делал отец. Очевидно, теперь он был слишком большим для этого. Он выше меня! Он отлично танцует. Мне нравится за ним наблюдать. Нужно быть уверенным в себе подростком, чтобы танцевать где-либо, не то что на кухне со своей мамой. В тот день, когда я заговорила о Тейлор Свифт, я ждала, что он присоединится, но Оли просто нахмурился, сказал, что Тейлор Свифт – отстой и исчез в своей комнате. Я не помню, чтобы он с тех пор со мной танцевал.

Упиваясь роскошью пустого дома, я увеличиваю громкость и слушаю ее трогательные тексты и великолепные мелодии, пока мою пол на кухне. Она поет о юношеской любви и беззаботности. У нас с Марком никогда этого не было. Когда я с ним познакомилась, он уже был отцом, а я стала матерью, как только согласилась быть его девушкой – или по крайней мере заменой матери или почти матерью. И все же, слушая слова, меня отбрасывает еще дальше в дни огромных провалов, потрясающих последствий. Мне нравится танцевать, мне это доставляет огромное удовольствие. Я обожаю чистое сумасбродство этого. Время наедине с собой в воскресенье днем кажется запретным излишеством. Я начинаю качать бедрами, переставлять ноги, отбивать ритм. Скоро текст и музыка вторгаются в мое тело. Я поддаюсь им. Нет,

это предполагает сопротивление – я бросаюсь в них. Я отпускаю себя. Я выплескиваю все. Обычно я все контролирую: себя, мою семью, время. Я относительно застенчивая, всегда думаю, какое впечатление произвожу. Но когда я танцую, все это отступает. Мои руки и ноги расслабляются, я трясусь бедрами и головой. Швабра становится моим партнером в танце, я кручусь и верчусь.

Снаружи небо преобразуется из болезненно-серого в темное индиго, пока я убираю и танцую. Марк пишет, что они с мальчиками поехали к Пауле на ужин. Решение принято. Со мной не советуются, просто оповещают. Но я планировала сделать только сэндвичи к чаю, поэтому не могу жаловаться. Когда пол чист и все поверхности блестят, я убираю швабры, тряпки и ведро, но – настоящая Золушка, намеренная пойти на бал – продолжаю танцевать. Мой живот становится липким от пота, волосы облепляют затылок, и я от этого в восторге! Удовольствие, свобода – абсолютны.

Поэтому я так сильно злюсь на Марка и мальчиков, что забрали это у меня. Удовольствие. Свободу.

Я слышу их. Смех. Громкий и неуправляемый. Снаружи уже совсем темно, а у меня на кухне горит свет, словно я на сцене даю представление у всех на виду. Марк, Оли и Себ стоят у стеклянной двери патио, смеясь, как гиены. Я гадаю, как долго они наблюдали. Они вваливаются в дом, все еще смеясь. Беззаботно высмеивая меня.

– Какое выступление, – говорит Марк. Он быстро меня

целует, его холодные губы колют разгоряченную щеку. – Я забыл ключи, поэтому мы зашли с заднего входа.

– Господи, мам, ты танцуешь как бабушка, – говорит Себ. Это не так. Их бабушка все еще танцует твист – надо отдать ей должное – а я больше склоняюсь к стилю девяностых. Да, застряла там, наверное, но это не твист, а множество прыжков и размахиваний руками. И все же я понимаю, что имеет в виду Себ. Я поспешно опускаю руки по бокам. Если бы я могла их отрубить, я бы это сделала. Я представляю, как тянусь за разделочным ножом, чистым и блестящим на столешнице.

– Помойте руки. Тщательно. Спойте «С днем рождения» дважды, как нас учили, – говорю я. Никто не отвечает.

– Ты такая неудачница, Ли, – бормочет Оли. Протопав мимо меня, он хватает яблоко из наполненной мной фруктами миски, агрессивно откусывает. Он качает головой. Не как я во время танца, не с радостной беззаботностью, но в отчаянии. С отвращением. – Позорище.

Я поворачиваюсь к Марку и умоляюще смотрю на него, чтобы он что-нибудь сказал, и я знаю, что он меня понимает, но просто пожимает плечами. Его взгляд говорит: «не втягивай меня, это твоя битва». Иногда роль матери и жены ощущается как смерть от тысячи порезов. Я выпрямляю плечи, выдавливаю улыбку, хоть и маленькую – никто не подумает, что я безумно счастлива в данный момент, но я не хочу устраивать сцену. Или, может, хочу, но Марк не хочет. Я хо-

зьяка собственного тела. Я выбираю, что показывать. Я сохраняю расслабленное выражение лица, брови не сдвигаются, подбородок остается высоко поднятым. Непроницаемая. Вы не должны чувствовать себя чужаком в собственном племени. Это противоестественно.

– Можно нам завести собаку? – спрашивает Себ.

– Нет, – резко говорю я. Он задавал этот вопрос время от времени уже на протяжении полугода. Обычно я более спокойна и пытаюсь мягко отказать ему, но у меня нет терпения, сил. Как собака впишется в мой образ жизни?

Себ опешивает, его лицо омрачает тень беспокойства. Я тут же чувствую себя виноватой. Двенадцатилетки не должны переживать о своих родителях. Он наблюдательный и добрый ребенок. Будучи веселым и благодушным, он хочет видеть такую же легкость в мире окружающих.

– Что не так? – спрашивает он.

Как мне объяснить ему, что все не так, кроме, пожалуй, него? Хотя даже любить его сложно. В моей жизни нет абсолютных удовольствий. И я полностью виновата в этом сама.

– Ничего, я просто устала. Послушай, почему бы тебе не принять душ? Я позвоню Фионе. Поднимусь к тебе перед сном. – Он кивает, послушно, с готовностью убегает, желая верить, что я просто устала.

Я наливаю себе здоровую порцию вина и рассказываю Фионе, как Оли назвал меня неудачницей. Я пытаюсь звучать, будто мне это кажется пустяком, и проваливаюсь. Она слыш-

ком хорошо меня знает, чтобы повестись. Я рада, мне не хочется, чтобы она игнорировала ситуацию, как Марк. Мне нужно ее сочувствие, подтверждение, что это несправедливо, что я не заслуживаю такого отношения. Возникало предложение, что Оли с Себом стоит посетить психотерапевта, помогающего пережить утрату. На самом деле идея поднималась не раз. Думаю, Фиона первой выдвинула эту мысль и она снова это делает. Она моя лучшая подруга. Я люблю ее, она хочет как лучше, но выбрала самый неподходящий момент.

– Зачем мальчикам психотерапевт, помогающий пережить утрату? – требовательно спрашиваю я.

– Чтобы проработать свою утрату.

– Какую утрату?

– Матери.

– Я их мать, – горячо утверждаю я.

– Их биологической матери, – терпеливо отвечает она.

– Она умерла много лет назад. Они были совсем младенцами. Я была их матерью почти десять лет.

– Да, я об этом и говорю, они были очень маленькими, когда ее потеряли. Слишком маленькими, чтобы осознать это. Может, теперь им нужна с этим помощь.

– Я их мать, – снова говорю я. – Я не хочу, чтобы какой-то психотерапевт копался в их головах и все ворошил.

– В чем дело, Ли? Я знаю, с тобой что-то не так.

Она не спрашивает, является ли Оли причиной. Это рабо-

та? Она оставляет вопрос открытым и он внезапно кажется диким и опасным. Что, если я ей расскажу? Что, если признаюсь? Вопрос открывает широкую пропасть желания. Я задумываюсь, смогу ли когда-либо ее преодолеть.

Я не могу ответить на этот вопрос.

3

Ли

Десять лет назад

Сегодня суббота, сияет солнце. За пределами лондонских почтовых индексов жаркие дни несомненно, безусловно, это подарки небес. Возможность прогуляться или покататься на велосипеде по холмам или национальным паркам, расставить стулья в садах, может, забросить пару сосисок на гриль, поехать в местный паб. Для пары тридцатитрехлетних гетеросексуальных женщин, делящих убогую лондонскую квартиру на втором этаже, жаркие дни – это мгновения, когда их жизни кажутся обнаженными. Неудовлетворительными. Как в Рождество, Пасху и национальные праздники. Когда жарко и солнце льется сквозь окна, показывая, что их не помешало бы помыть, мы с Фионой чувствуем себя сдавленными, пойманными. Неудачливыми. Наша квартира, которая может казаться чудной, эксцентричной – с полками из ИКЕА и

разноцветной гирляндой с фонариками в форме перцев чили, висящей на кухонных шкафах – оказывается загроможденной и ребяческой.

Мы обе знаем, что должны быть в другом месте. Выше по пищевой цепочке. Может, мы должны болтаться возле бистро, поедая арбуз и салат с фетой с нашими парнями, или растрачивать день в В&Q, споря с нашими женихами о том, какой оттенок краски будет наиболее уместным на стенах нашей новообустроенной кухни; может, мы даже должны толкать коляску по парку или макать ножки малыша в фонтан на Трафальгарской площади. Мы обе упустили ноты, в которые попало так много наших друзей, казалось, без усилий. В хмурые дождливые дни мы можем спрятать этот факт от мира и самих себя, оставаясь дома, смотря плохие реалити-шоу и играя на телефонах. Когда погода хорошая, есть негласное требование, что квартира обязана нас выплюнуть, что мы должны найти место во внешнем мире. Каким-то образом втиснуться в него.

– Может, пойдём в парк? – осторожно предлагаю я.

– В местный? – спрашивает Фиона. Она мне как сестра. Дело не только в том, что мы отлично ладим, а это так, мы знаем друг друга вдоль и поперек, и зачастую это даже важнее, чем находить общий язык.

– Ага. В местный.

– Разве нам не стоит пойти в, типа, какой-то нормальный? – Я знаю, что Фиона имеет ввиду. Всегда знаю. Иногда

она может быть властной, но все же я знаю, что она не уверена в себе, поэтому иногда она кажется раздражительной и требовательной. Пренебрежительной. Меня это не беспокоит. Мужчин – да. Она имеет в виду, что сидеть на местном газоне – который заканчивается железнодорожными путями и огражден несколькими маленькими, но загруженными дорогами – кажется пораженческим. В ближайшем парке будет полно местных семей, и для них это нормально, потому что от изможденных родителей нельзя ожидать походов в Гайд-парк, чтобы покататься на роликах, или в Александра-палас, чтобы покататься на скейтах, или Ричмонд, чтобы высматривать оленей – максимум, что ожидается от занятых родителей, это одеться и вытащить детей на улицу. Но люди вроде меня и Фионы, женщины в расцвете сил, все еще ищущие свои родственные души, должны набраться энергии, чтобы выбраться в люди. Если мы этого не делаем, мы по сути признаем, что сдались.

Я глазею на Фиону, она знает все это так же хорошо, как я. Это не нужно озвучивать.

– Если мы останемся неподалеку от дома, мы можем возвращаться, если нужно будет в туалет, – замечает она.

Я киваю. Будто ни одна из нас никогда не была в Гластон-бери и не пользовалась адскими биотуалетами.

По крайней мере, мы стараемся с нашим пикником. Мы начали больше внимания уделять еде в последний год или полтора. Полагаю, когда у нас спало оживление на сайтах

знакомств, мы заполнили эмоциональную дыру в местном гастрономе. В нашем есть огромные вяленые окорока, сви-сающие с пугающих крюков и качающиеся в окне, сочные сыры, примерно десять разных сортов оливок. Это пугает и приводит в восторг одновременно. Может, у нас нет парней, ипотеки или детей, но у нас есть выбор мясных закусок. Мы покупаем дорогуший упакованный летний салат из ягод, но удобство оправдывает завышенный ценник. Мы переглядываемся, наполовину виновато, наполовину одобрительно, а затем кладем в корзину упаковку из четырех изысканных шоколадных брауни. На кассе я также добавляю пакетик карамельного попкорна, а Фиона – вырезанные вручную овощные чипсы. Они в «семейной» огромной упаковке, но мы приложим героические усилия по поеданию. Наконец, мы покупаем большую бутылку минеральной воды и приличное Просекко. Выходим из магазина мы уже в приподнятом настроении.

Как и ожидалось, парк заполнен семьями с маленькими детьми, но мы с облегчением замечаем отсутствие влюбленных пар. Они хуже всех. Полагаю, у влюбленных пар все еще есть стимул спускаться в метро и тащиться в центральные парки Лондона, которые выглядят значительно более впечатляющими на страницах в инстаграме¹. Влияние соцсетей это

¹ В книге присутствуют упоминания социальных сетей, относящихся к компании Meta, признанной в России экстремитской и чья деятельность в России запрещена.

новая, но важная часть романтических отношений. Равная физическому влечению и только чуточку ниже потенциала к заработку. Я вздыхаю, расстраиваясь, что встречаться становится все сложнее. Мои родители познакомились через друзей, которые подумали, что «они могут найти общий язык». Знакомство через общие, заинтересованные стороны кажется старомодным. Теперь так никто не делает.

Вероятно, потому, что большинство людей спит со всеми своими более-менее привлекательными друзьями в юношеские годы, поэтому передавать их дальше кажется слегка неуместным. «Эй, знаешь, мне он не подошел, но, может, тебе...» Никому не нравятся объедки. Мысли о сексе уводят меня в другом направлении. Я внезапно начинаю сомневаться, что лондонские влюбленные пары вообще замораживают походами в парк. Может, они могут решить спрятаться от солнца, поваляться в кровати, запутавшись в простынях и поте. Ведь у пар достаточно уверенности, чтобы не беспокоиться, что они «тратят день зря», не верить в это, потому что они сплетены друг с другом. Мысль об этих воображаемых парах одновременно возбуждает и угнетает меня.

Мы с Фионой расстилаем одеяло для пикника. Усаживаемся. Пока мы едим и пьем, мы иногда обмениваемся фразами, но не поддерживаем разговор.

- Боже, этот бри.
- Вкусный?
- Божественный.

– Оторвешь мне кусочек хлеба?

– Тебе долить?

Мы не ощущаем нужды постоянно болтать. Мы знакомы двенадцать лет. Между нами осталось не так много сюрпризов. Мало, если вообще есть, историй, которыми мы не делились. Новости и сплетни этой недели из наших офисов мы уже разобрали. Это не имеет значения, наше молчание уютное, компанейское. Мы познакомились вскоре после окончания университета в приемной кадрового агентства. Обе были бестолковыми. Я знала только, что хочу работать «в офисе». Фиона хотела заниматься «модой или интерьерами, чем-нибудь нескучным». Мы разговорились, а потом, после регистрации и собеседований, пошли выпить кофе, желая поделиться нашими мечтами и признаться в своих страхах. Мы просто сошлись, легко и мгновенно сблизились. Слава богу, у меня есть Фиона. Думаю, я люблю ее больше всех на свете. Я не хочу, чтобы так было. Я хочу больше любить своего мужа и детей, но раз их не существует, я благодарна, что могу любить Фиону.

В первый раз мы жили вместе много лет назад, а потом наши пути разошлись. Мы обе вышли из серьезных отношений, когда нам было около тридцати, и не могли себе позволить собственные квартиры или вынести одиночество, поэтому снова стали жить вместе. Это было удобно, зачастую весело. Это должно было быть временным решением, мы не купили квартиру, не хотели связывать наши деньги. Это бы-

ло три года назад. Цены на недвижимость с тех пор так сильно выросли. Нам стоило купить квартиру.

Фиона надевает наушники и закрывает глаза. Я достаю свою книгу в мягкой обложке. Я открываю ее на странице с закладкой, но не начинаю читать. Солнце ослепительно сияет, выпитый мной бокал Просекко проносится по венам. Я то и дело теряю место, где читала, перечитываю один и тот же абзац. Я бесцельно оглядываю окружающих. Мне нравится наблюдать за людьми. Всегда нравилось. На самом деле мне втайне намного легче наблюдать, чем участвовать. Солнцезащитные очки дают преимущество. Никто не различит, если вы пялитесь на них слишком долго, слишком пристально, пытаетесь их прочесть. Это моя привычка. Разгадывать людей. Пытаться решить пазл, кто они и что ими движет. Мне говорили, что это придает мне излишней серьезности. Я просто считаю, что есть люди, у которых попросту лучше получается жить. У них есть талант. Изюминка. Я не одна из них. Я думаю, может, если буду рассматривать таких людей достаточно долго, я научусь, открою способность быть взрослой, вписываться среди других, может, даже процветать – все это вечно ускользает от меня.

Я не обманывюсь. Оглядываясь, я вижу раздраженных, недовольных родителей, ссорящихся потому, что одного из них достало качать их чадо на качели, пока другой не может оторваться от телефона. Некоторые переругиваются, некоторым нечего сказать друг другу. Семейная жизнь не гаранти-

рует счастья. Господи, я это знаю. Но я также вижу семьи, воплощающие мою цель. Те, что смеются над своим уми- лительным пухлым малышом, сделавшим что-то обыденное вроде отрывания маргаритки или поглаживания собаки. Те, что передают огромные рожки мороженого в протянутые толстенные ручки и купаются в лучах ответной улыбки сво- его ребенка. Я знаю, что мне нужно избавиться от этой при- вычки. Этого профессионального вуайеризма. Это вредно. Мне нужно участвовать, а не бесконечно топтаться на гра- нице жизни. Если я могла бы позволить себе ходить к психо- терапевту, она бы, скорее всего, захотела поговорить о том, что мне нужно встретиться лицом к лицу с моими пробле- мами с зачатием. Я бы не хотела об этом говорить. Наверное, хорошо, что я не могу позволить себе психотерапевта.

Я вижу его, у него густые и темные волосы. Такие чер- ные, что я думаю, он их красит, потому что я бы дала ему под или немного за сорок, а большинство людей в этом воз- расте борются с сединой, верно? На мгновение мое мнение о нем ухудшается из-за этого. Настолько тщеславный мужчи- на кажется отталкивающим. Но это а) глупо, потому что этот мужчина не просил меня на него глазеть и, скорее всего, его *совсем* не интересует, что я думаю о его уходе за собой и б) это чрезвычайно лицемерно, сексистски с моей стороны, по- тому что я сама крашу волосы, всегда это делала. С подрост- кового возраста, ради веселья и моды. И – примерно послед- ние три месяца – по необходимости. Преждевременно (как

мне нравится думать) несколько гадких белых волосков (не седых – прямо таки белых – я настолько впадаю в крайности) неожиданно начали проклевываться по линии роста волос, как грибы в болотистом осеннем поле.

Но у него были черные брови, и волоски на ногах тоже темные, поэтому, может, он и не красит влосы. У него отличный подбородок, сильный, волевой. Он загорелый. Многие лондонские мужчины проводят много времени, горбясь над компьютерами, и это видно. Этот мужчина выглядит, будто проводит значительную часть времени на улице. Этот красивый мужчина всего лишь среднего роста, пять футов десять дюймов, может, одиннадцать, но он выглядит особенно сильным и решительным. Он мускулистый, поднимает своих мальчиков и сажает на свои плечи с поразительной легкостью. Обоих мальчиков одновременно, как циркач! Не думаю, что он пытается привлечь внимание, но привлекает. Он притягательный. Я замечаю нескольких женщин, украдкой бросающих на него взгляды, даже тех, кто со своими мужьями и детьми. По виду одному мальчику года два, второму – пять. Они оба похожи на отца. Крепкие, сильные, с легкостью загорающие золотые руки. Они источают мальчишескую энергию и свирепость. У каждого копна темных волос, как у папы, и хотя я недостаточно близко, чтобы точно сказать, я представляю густые длинные ресницы, которые могут создавать ветерок, когда они моргают. Единственное различие между ними это то, что младший ребенок кажется от-

крытым и легким – он много улыбается и смеется – а старший хмурит брови, как отец. Он выглядит серьезным.

Я смотрю на этого очень красивого мужчину и, хоть он мне нравится, и я наслаждаюсь этим, меня так же жалит знакомое, но всегда неприятное чувство. Я завидую его жене. Не то чтобы она была где-то рядом. Он играет с двумя мальчиками один, несомненно давая ей побыть несколько часов наедине. Может, она пошла на маникюр, или пьет Шардоне с подругами. Я представляю, как он говорит: «Давай, дорогая, ты этого заслуживаешь, они с тобой всю неделю. Теперь моя очередь». Я ненавижу его жену. То есть, очевидно не понастоящему, я же не знаю его жену.

Но вроде как.

Это происходит в мгновение ока. Мгновение, которое заканчивается прежде, чем началось, и все же оно немедленно, навечно врезается мне в память в замедленной съемке. Он отводит взгляд всего на наносекунду. Старший мальчик выкрикивает: «Посмотри на меня, папочка!» Он стоит на качели, неумело подгибая колени в попытке раскачаться. Цепи качели гремят.

– А ну сядь, – приказывает отец. От озабоченности он звучит свирепым, старомодным. На лице мальчика мелькает беспокойство, он рисовался, делал что-то смелое, примечательное, он не совсем понимает, в чем проблема. – Ты упадешь! – кричит отец для прояснения. – Ты хочешь довести меня до сердечного приступа?

Тогда старший мальчик слушается – медленно, опасно подгибает колени, качель дрожит, когда он находит более безопасную позу – младший нетерпеливо выдергивает ладошку из папиной руки и пытается сам съехать с горки. Вместо этого он переваливается сбоку. Он падает головой на бетон, словно спрыгивая с трамплина в бассейн. Его пухлое тельце несется к земле. Ускоряется, хоть высота падения меньше двух метров. Звук удара его младенца о землю сотрясает меня до костей.

Нос, губы и голова кровоточат сильнее всего.

Я мгновенно оказываюсь на ногах. Бегу к ним. Обычно я колеблюсь, но не теперь. Отец просто таращится на ребенка. Замерев. Он не наклонился помочь ему инстинктивно, что странно. Наверное, он в шоке. Ребенок не кричит, что было бы успокаивающим, нормальным. Может, он потерял сознание? Я осторожно касаюсь его маленькой руки, и он моргает. Он в сознании, но потрясен. Почему он не плачет? Он смотрит на меня круглыми, доверчивыми глазами. Я понятия не имею, почему этот ребенок решил, что может мне доверять. Я не знаю ничего о детях, травмах или что нужно делать. Я не знаю ничего, но все же он нуждается во мне. Он смотрит на меня, будто у него есть только я, и так как его отец замер на месте, временно став бесполезным, так и есть.

– Ничего. Ничего. Все будет хорошо. Я с тобой, – бормочу я, вытаскивая телефон и вызывая «скорую».

Я в майке с расстегнутой рубашкой поверх нее. Я быстро

сбрасываю рубашку и прижимаю ткань к его рассеченной голове. У меня нет навыков первой помощи (какого хрена у меня нет навыков первой помощи?!), но я инстинктивно знаю, что мне нужно замедлить кровотечение. Старший мальчик теперь подбежал к отцу. Они оба наблюдают за мной, но остаются на отдалении от меня и друг от друга. У меня нет времени раздражаться или думать о причинах. Они смотрят в страхе, и я вижу что-то в их взглядах. Эти люди видели трагедию, они ожидают худшего. Они в ужасе.

Пока мы ждем «скорую», я продолжаю успокаивающе бормотать отцу и мальчикам. Я говорю, что все выглядит хуже, чем есть на деле (я этого не знаю). Я обещаю остаться с ними, потому что отец спрашивает об этом, а я не могу ему отказать. Фиона наблюдает, шокированная. Он не привыкла, чтобы я брала что-либо под контроль, или могла это сделать. Вокруг нас собралась небольшая толпа зевак, они все спрашивают, вызвали ли «скорую», кто-то закутывает пострадавшего малыша в свою куртку, кто-то спрашивает, хочет ли он пить, а еще один человек говорит, что ему нельзя ничего пить или есть, «на всякий случай». Потом толпа начинает расходиться, родители не хотят, чтобы их дети видели это, они кивают мне и бормочут: «Похоже, вы сами справитесь», и исчезают. Я не знаю, стоит ли двигать ребенка. Я уверена, что этого делать нельзя, учитывая возможное сотрясение, но все же каким-то образом он опускает голову мне на колени. Кровь из его раны пропитывает мою белую ажурную юбку.

Я нежно поглаживаю его плечо, держу за руку, его большие карие глаза не отрываются от моих все это время.

– Как тебя зовут, ангелочек?

– Себастьян, – говорит отец.

– Но мы в основном зовем его Себом, – добавляет брат. –

Я Оли, – добавляет он задним числом.

– Привет, Оли, – я улыбаюсь, но он не отвечает взаимностью.

Когда приезжает «скорая», меня принимают за мать Себа. Я объясняю, что это не так, парамедики действенные, добрые, сочувствующие, но очевидно не хотят терять время.

– Кто поедет с ним? – резко спрашивают они. Пальцы Себа сжимают мои. Его отец замечает.

– Можно мы все поедем? – спрашивает отец.

– Так нельзя.

– Пожалуйста. – Полагаю, парамедик тоже видит отчаяние и страх в лице отца, поэтому он нерешительно кивает.

Я не колеблюсь ни секунды. Запрыгиваю в «скорую». Двери закрываются перед потрясенным лицом Фионы.

– Меня зовут Ли Гиллингэм.

– Марк Флетчер.

Это должно казаться странным. Это не так. В тот момент я ощущаю себя защищающей, полезной, необходимой, как никогда.

Я обнаруживаю две вещи о посещении больницы с ребенком. Первое – работники заботливые, эффективные, успо-

каивающие и знающие. Второе – процесс все равно ужасает. Себя забирают на рентген. Марка многократно расспрашивают, как случился инцидент. Полагаю, в случае детских травм медицинские работники не могут быть чересчур осторожными. Я пересказываю, как Себ упал с горки.

– Это случилось в долю секунды. Он просто съехал, бесстрашно.

– Да, это дети, – комментирует медсестра не без сочувствия.

Нас с Оли и Марком просят подождать в маленькой комнате, весело украшенной, специально чтобы отвлекать детей. На стенах нарисованы радуги. Кругом разбросаны пластмассовые игрушки, есть корзина, полная книг. Оли, похоже, ничего из этого не интересуется. Он сидит, глядя в дверь, за которую забрали Себа. Несчастный.

– Не волнуйся, доктора знают свое дело. Они о нем позаботятся, – говорю я с наигранной легкостью. Кондиционер в комнате чересчур сильно охлаждает, но я не хочу снова надевать рубашку, хоть мне ее вернули, потому что она покрыта кровью Себа.

– Как думаете, что они там делают? – спрашивает у меня Марк.

Я понятия не имею, но знаю, что Марку нужно большее.

– Накладывают швы, делают рентген. Как и говорили. Теперь осталось недолго. Кто-то выйдет и скажет, что происходит. – Марк кивает. Мне кажется странным, что они мне

верят.

– Может, мне стоит позвонить вашей жене? – я уже проверила его левую руку. Это просто привычка. Надежный, твердый золотой ободок, конечно же, гнездится на его безымянном пальце, как я и ожидала. Я имею в виду, конечно этот мужчина женат, ведь с ним двое детей. Я просто не понимаю, почему он до сих пор ей не позвонил. Может, он думает, что она будет винить его, потому что он был за главного во время происшествия? У некоторых моих друзей есть дети, я видела, что некоторые родители судят друг друга по манере воспитания. «Он так неосторожно играет с ними.» «Он совсем не умеет надевать подгузники. Там же есть липучки, что в этом сложного?» Но я не знаю родителей, которые не хотели бы, чтобы им позвонили, если их ребенок оказался на рентгене. Или же мужчина действительно в шоковом состоянии и не подумал, что позвонить жене это следующий логичный шаг?

Он растерянно смотрит на меня.

– У меня нет жены.

– Ох. – Понятно. Отец на выходные. Разведен. Часть моего мозга сдержанно дает пять другой. Внизу, под пупком, раздражается целый танец «паровозиком». Я мысленно укоряю себя. Я не должна радоваться, что он разведен. Это грустно для детей, и он носит кольцо, поэтому я догадываюсь, что рана еще свежая, он еще не готов к новым отношениям. И все же я не могу пресечь эти эмоции. Мне, навер-

ное, надо перестать смотреть на его кольцо. Это грубо.

– Она мертва. Она умерла.

– Ох. – Я хочу провалиться сквозь землю. Я не знаю, что сказать. Я не очень хорошо справляюсь со смертью. А кто с ней хорошо справляется? По-видимому, наши предки спокойно выставляли трупы в своих гостиных, но времена меняются. В конце концов мне удастся пробормотать совершенно скучное: – Мне жаль.

– Все в порядке, – пожимает плечами он. – Ну, не то чтобы, очевидно. Это полное дерьмо. Стопроцентное дерьмо, но это не ваша вина.

– Когда? – спрашиваю я.

– Всего пять месяцев назад. – Это, возможно, объясняет, что его парализовало после падения Себа с горки. Дело не только в бесполезном отце, не знающем, чем помочь, хотя, может, и это имеет место быть, его жена могла быть более практичной. Но я думаю, это был ужас, страх. «Только не мой мальчик тоже. Господи, пожалуйста, нет». Потеряв кого-то, вы никогда не сможете так же смотреть на мир, все кажется неопределенным. Вы ожидаете худшего. Поэтому Марк Флетчер попросил незнакомку поехать с ним в больницу. Он не знал, как в одиночку справиться с еще одной трагедией.

– Как? – Когда вопрос вырывается у меня изо рта, я хочу себя ударить. Это не мое дело. Я просто задумалась, было ли это падение, несчастный случай, что-нибудь, спрово-

цировавшее такую сильную реакцию.

– Рак. – Марк неловко отводит взгляд. Я идиотка. Я перешла границу. Близость, создающаяся трагедией, не реальна, у нее нет корней.

– Послушайте, спасибо за помощь, но я и без того отнял слишком много вашего времени. Я пойму, если вам нужно быть в более интересном месте, чем неотложка, в субботний вечер.

– Нет, ничего такого, – признаю я. Он снова поднимает глаза, встречаясь со мной взглядом. Может, с жалостью, может, с облегчением.

В тот момент, доктор, забравший Себа на рентген, появляется снова. Он дает понять, что хочет поговорить с Марком наедине, что Марку нужно идти к Себу. Марк смотрит на Оли, явно раздумывая, как лучше поступить, что Оли стоит слышать?

– Я могу остаться, посидеть с Оли, – предлагаю я. Он сомневается. Конечно, он переживает. Как он может мне верить?

– Я не сумасшедшая, безобидная, – добавляю я, копаясь в своей сумке, хотя не совсем уверена, что я надеюсь там найти. У меня там вряд ли припрятан сертификат, подтверждающий мое психическое здоровье. Я достаю кошелек и вытаскиваю свои права. Протягиваю их ему.

– Смотрите, Ли Гиллингэм, это мой адрес. Вы можете придержать их у себя, пока я побуду с вашим ребенком. –

Слыша свое предложение, я понимаю, что практически точно убедила его в своей нестабильности, хотя я надеялась его успокоить. Я приставучая. Он, наверное, это чувствует. Мне нравятся дети. Мне нравится он. Я хочу помочь. Я копаюсь в сумке и достаю визитку, она немного помятая в углу и пыльная. Мне, пожалуй, стоит купить один из этих кошельков, сделанных специально с отделением для карточек, но я думаю, что визитки скоро останутся в прошлом. – Я бизнес-консультант, – говорю я. Хотя когда это заставляло людей больше мне верить? Я снова роюсь в сумке, на этот раз выуживая пачку изюма в шоколаде. – Оли нравится изюм? – спрашиваю я. Оли поглядывает на пакетик, потом на отца, а затем, не дожидаясь разрешения, он забирает его у меня со значительно большей оживленностью, чем проявляет его отец.

– Я умираю с голоду, – говорит он, раскрывая пачку с ловкостью, впечатляющей для такого маленького мальчика. Я задумываюсь, приходилось ли ему больше вещей делать самостоятельно, чем другим детям. Детям с матерями. Он немедленно принимается за еду.

– Мне нужно, чтобы вы пошли со мной, мистер Флетчер, – твердо говорит усталый доктор. Марк поспешно переводит взгляд с меня на мои права и мятую визитку. Он берет обе вещи. – Если вы уверены. – Он уже на ногах, следует за доктором.

– Хочешь, я почитаю тебе сказку? – улыбаюсь я Оли. –

Там целая корзина с книжками, которые, по-моему, можно брать всем.

– Если хочешь, – пожимает плечами он.

– Да, хочу. – пока я читаю, его голова начинает опускаться под тяжестью усталости. Он роняет ее мне на плечо. Я осторожно обнимаю его одной рукой.

– Можно залезть тебе на колени? – спрашивает он.

Я киваю, не находя слов, потому что мое сердце так громко поет.

4

Ли

Я поздно начала заниматься сексом. Моя мать требовала слишком много моего времени и внимания, чтобы я могла построить настоящие отношения с настоящим мальчиком. Я была занята попытками заполнить место своего отца, бросившего нас, когда мне было девять. До двадцати лет моя романтическая жизнь в основном ограничивалась моим воображением, влюбленностями в поп-звезд, кинозвезд и других недоступных парней вроде моих университетских преподавателей или геев. Я не вела дневник – я знала, что у моей матери нет личных границ и она чувствовала бы себя вправе читать его, но, вероятнее всего, захотела бы еще и обсудить со мной его содержимое. Я оставалась в своей голове. Это

яркое и грязное место. В зависимости от моего настроения, это лабиринт желаний, страха, надежды, страсти. Я выдумывала детализированные свидания между собой и моим текущим объектом желаний, писала стихи, разбирала строки песен о любви.

Я понятия не имела о реальной жизни.

Я не занималась сексом до двадцати одного, и то это было с мужчиной, чьими первыми словами после этого было: «Тебе пора, моя девушка вернется с работы через час». Девушки не было в моих фантазиях или его разговорах. Меня потрясло, как его непринужденность трансформировалась в жестокость за несколько мгновений.

Шок, разочарование, стыд поглотили меня. Моя самооценка рухнула. После этого я не ожидала, что какой-то мужчина будет встречаться только со мной, даже если он это утверждал, я сомневалась. Я ожидала предательства и сложности – не слишком хорошее мировоззрение. Я выросла, держа все близко, не доверяя никому своих внутренних переживаний, поэтому у меня не было стайки подруг, которые могли нормализовать дерьмовое поведение мужчин за двадцать, или поддерживающей мамы, чтобы она пообещала мне, что все будет хорошо и что в море еще хватает рыбы. Рыбы, которая чаще всего ловилась, когда ей уже за тридцать, когда немного подросла. Я кое-что рассказывала Фионе, но у нее тоже был не такой большой опыт, поэтому она не смогла предложить ни контекста, ни утешения. Когда

я говорила о своих неудачах в отношениях с Фионой, она закатывала глаза и говорила: «О, боже, ты такая красивая. Если мужчины хреново относятся к тебе, то у кого-то обыкновенного вроде меня вообще нет надежды». Она посмеивалась, говоря это, но у меня всегда было ощущение, что она не совсем шутит.

Так вот, я поняла, что люди легкомысленно играли своими сердцами и девственностью, что лучше оставаться немного скрытной, защищать себя. Если нужно выбирать, то лучше сделать больно, чем чтобы сделали больно тебе. Очевидно. И мир, как я его видела, требовал выбора.

В свой третий десяток я встречалась в рядом разных мужчин. У меня почти всегда кто-то был. Иногда отношения длились считанные часы, некоторые тянулись по полтора года. Какими бы короткими или длинными они ни были, они развивались по схеме. Все годы до ухода моего отца я наблюдала, как моя мама пыталась сделать себя более привлекательной, чтобы убедить его остаться, потому что он всегда стоял одной ногой за дверью. Она перебирала модные диеты, изнуряющие упражнения и системы ухода за собой. Ее тактика оставаться красивой, услужливой и приветливой (по крайней мере с ним) была полной катастрофой, и все же, не имея других примеров, я вела себя с мужчинами так же. На свиданиях я пыталась быть красивой, услужливой, приветливой. Будучи молодой и все еще экспериментирующей со своей личностью, я с радостью перенимала увлечения моих

парней, у меня все равно не было своих хобби. Поэтому, если новый парень хотел поиграть в теннис, покататься на мотоциклах, поплавать в море, поиграть в видеоигры, посмотреть ужастики – я соглашалась. Я обнаружила, что соглашаюсь с их политическими взглядами, или как минимум не подаю виду, если они противоречат моим. Я даже носила вещи, в которых им нравилась, поэтому меняла вычурный стиль на небрежный, джинсы и худи на платья. Что в этом плохого? Есть вещи и похуже, чем стремиться угождать людям. Кроме того, проведя годы в качестве доверительного лица моей матери, рассказывавшей, какой несчастной ее сделал мой отец, я обнаружила, что хорошо умею слушать. Я не осуждаю и сочувствую чужим переживаниям и проблемам. Я быстро сближаюсь с людьми. Нет ничего странного в том, чтобы интересоваться хобби, семьями, жизнями других. Не совсем. Может, большему количеству людей стоит попытаться быть более податливыми. Может, мир стал бы более приятным местом. Только вот изменять себя под идеалы других стало моей привычкой. Я превратилась в хамелеона. Я давала каждому своему парню часть меня, которая пришлась бы им по вкусу, но никогда не открывала всего сразу.

Полагаю, я преподношу себя простым человеком. Мужчины обожают простоту. Но я очень сложная.

Марк другой. Его жизненный опыт намного глубже кого-либо, с кем я встречалась. Он попросту кажется более взрослым. Ему тридцать девять, он на шесть лет старше ме-

ня, но, помимо этого, он отец и вдовец. У него нет времени или терпения на игры. Он прямолинейный, честный, искренний. Не то чтобы он был скучным, совсем нет. Просто его чувство юмора старомодное, не сатирическое. Ему нравятся вещи, граничащие с банальностью, он любит немного безобидного фарса. Это довольно мило.

С ним легко. Прошлые шесть месяцев были удивительно прямыми и нацеленными. Мы не играли в игры. Нужно думать о мальчиках, играть было бы черство. Мы вчетвером уехали из больницы вместе. Мы разделили такси до дома. Нас охватывало облегчение, что Себа склеили обратно. Мысль «могло быть хуже» ехала вместе с нами. Оказалось, мы жили в десяти минутах друг от друга. Когда я выбиралась из такси, он поблагодарил меня за все и спросил: «Можно я позвоню вам завтра?».

– Я буду рада.

И он позвонил. Пригласил меня на чай.

– Мальчики спрашивали о милой леди, которая помогла, – сказал он, наверное, давая понять, что это они хотели меня позвать, а не он. Он не был из тех, кто хотел бы создать обманчивое впечатление. Это не было свидание. Это были фиш-энд-чипс², поданные с горошком, который мальчики гоняли по тарелкам, но почти не ели. Мне предложили воду или яблочный сок на выбор.

– Извините, я ошибочно позволил Оли выбрать еду, – ска-

² Жареная рыба с картошкой-фри

зал Марк извиняющимся тоном, ставя тарелку передо мной. Это был шумный и бессвязный вечер. Марку едва удавалось сказать предложение, чтобы его не прервали, но я все же смогла узнать о нем больше, чем о закрытых и скрытных мужчинах, с которыми встречалась раньше. Марк рассказал, что у него есть сестра, живущая в Чикаго, родители в Йорке. Его лучшего друга звали Тоби и они дружили со средней школы. Он отучился в университете в Брайтоне, мечтал иметь яхту, но никогда не плавал ни на чем больше лодки. Он работал ландшафтным садовником, что объясняло его загар и мышцы, он признался, что его бизнес не ладится, потому что он занимался еще и детьми, с тех пор как его жена заболела и умерла.

– Окружающие очень помогли. Родители Фрэнсис живут в Мидлендс. Они предложили переехать сюда, но было бы чересчур просить их о таком. Им нужно оставаться рядом с друзьями в доме, где выросла Фрэнсис – я имею в виду, они потеряли дочь, – он качает головой. – Ее сестра, Паула, хорошо отнеслась ко мне. Очень помогла. Она на севере Лондона.

Людам кажется, что худшая вещь в мире – это потерять ребенка. Я смотрю на маленьких мальчиков – поглощенных катанием машинок из конструктора по лужам яблочного сока, и поэтому не слушающих наши отрывистые разговоры шепотом – и думаю, что хуже всего это потерять мать. Наверное, это зависит от возраста умершего. Это не соревно-

вание. Скорбь просачивается везде.

– Ее друзья из разных групп мамочек были очень добры. Они много раз забирали и отвозили мальчиков, но наступает время, когда всем нужно возвращаться к своим жизням, – он пожал плечами. Он не жалел себя. Просто высказывал факт. Он вытащил горошинку, которую Себ пытался засунуть себе в нос, оторвал бумажное полотенце, вытер яблочный сок, долил Оли воды. – Расскажите о себе. Чем конкретно занимаются бизнес-консультанты?

Я поняла, что ему нужно было сменить тему. Разговоры о смерти утомляют даже скорбящих. Я начала рассказывать ему об эффективном управлении линией поставок, интегрированных IT-системах и максимизировании производительности с помощью кадров. Он рассмеялся и сказал, что я звучу как корпоративная брошюра, но он не насмеялся, он был добрым, заинтересованным. – Расскажите, как проходит ваш день.

Так я и сделала. Шаг за шагом. О каждом звонке, о бесконечном сборе информации перед презентациями, которые я даже не всегда даю, потому что их присваивает кто-то старший по должности. Я рассказала ему о долгих часах и неделях вдали от дома. Я рассказала, как напряженно бывает в команде, когда вы становитесь семьей на несколько коротких месяцев, живете бок о бок, а потом вас отправляют в другое место и вы можете больше никогда не общаться. Я призналась, что от такой кочевой жизни мне бывает одиноко.

Марк внимательно слушал, задавая вопросы, которые это доказывали.

– Вау, я впечатлен. Я просто не мог работать в офисе. Я бы сошел с ума. Но я всегда так восхищаюсь людьми, которые задействованы в бизнесе, – он добродушно засмеялся. Это было глотком свежего воздуха. Зачастую мне приходится преуменьшать свою работу, потому что некоторых мужчин пугают женщины с более высоким заработком, чем у них. – Вам это нравится? – спросил Марк, словно только это имело значение.

– Да, в целом. Это стимулирует. Мне хорошо платят, а это отлично, потому что я могу иногда побаловать маму лишним отпуском. Я росла с ней одной, поэтому я все еще чувствую ответственность за ее счастье. И ее счета. Хорошая зарплата позволяет с этим помочь.

Я не знаю, что заставило меня в этом признаться. Обычно я изо всех сил стараюсь скрыть никчемность моей матери. Марк просто кивнул.

– Это хороший поступок. Вы путешествуете за границу по работе?

– Нет, в основном по Великобритании. Есть возможности перевестись в иностранные офисы, но это меня никогда не привлекало. Что ж, опять же, из-за мамы, – я пожалала плечами. – Ездить по Великобритании и так достаточно сложно. Я не купила собственное жилье. Полагаю, я могла бы, но вопрос больше в том, где обосноваться? – Я поняла, что, воз-

можно, сейчас призналась, что жду правильного мужчину, который поможет мне принять решение о правильном месте, поэтому поспешно продолжила: – Я нацелилась на должность старшего менеджера к концу этого года. Если меня повысят, десять лет тяжелого труда окупятся. – Я хотела спросить, чем занималась Фрэнсис, то есть, работала ли она вне дома, но не было причин так думать, ведь у нее было двое маленьких сыновей. Я сдержалась, потому что это могло показаться неуместным.

– Фрэнсис была учительницей, – сказал Марк, словно прочитав мои мысли. – Хотя ее карьера была немного отрывистой. Прерванной двумя декретами, двумя периодами борьбы с раком.

После чая Марк с Оли погоняли мяч в саду. Себ хотел присоединиться, но Марк осторожничал из-за его раны. Себ начал плакать от усталости и недовольства. Я инстинктивно взяла его на руки, оперла его о бедро и он наградил мою смелость, мгновенно успокоившись и уткнувшись мне в шею. Марк выглядел облегченным, благодарным. Я ушла, когда настало время купать мальчиков.

Во второй раз, когда я пришла на чай, мы ели лазанью и выпили по бокалу вина. Визиты к Марку с мальчиками быстро стали самыми ожидаемыми событиями в моей жизни.

– Ты с ним встречаешься? – хотела знать Фиона.

– Нет.

– Но хочешь?

– Да, – пробормотала я. Мне не хотелось выглядеть неудовлетворенной нашей дружбой, потому что это не так. Не совсем. Я наслаждалась тем, что мог предложить мне Марк, я не могла ожидать большего. – Но этого не случится. Он скорбит. А я...

– Удобная. – Я недовольно взглянула на Фиону. – Что, так и *есть*. Давай будем честны, лишняя пара рук для купания и укладывания спать. По крайней мере, укладывания детей, – подмигнула она, давая знать, что не хотела меня обидеть, а просто беспокоилась за меня.

– Мы друзья, и меня это устраивает. Мне нравится ходить с ними в бассейн и парк на выходных. Мне с ними очень уютно.

– Просто не позволяй, чтобы тебя отправили во френдзону. Марк очень горяч, а кругом не так много горячих мужчин. Все эти игровые свидания без секса могут посылать ему неправильные сигналы.

Через два месяца «игровых свиданий» Марк меня поцеловал. Мы ездили в Леголенд, и мальчики заснули на заднем сиденье машины по дороге домой. Мы уложили их в кровати, не раздевая, потому что не хотели будить их только чтобы почистить зубы.

– Останься на бокал вина. – Я не могла сказать по его тону, был ли это вопрос или приказ. Это не имело значения, я не собиралась отказываться. Он достал вино из холодильника, и еще до того, как открыл бутылку, он подошел ко мне,

положил руку мне на затылок и притянул мои губы к своим. Это был напряженный, взрывной поцелуй. Источающий энергию, намерение. В считанные секунды он перегнул меня через кухонную стойку, а мои трусики были спущены до лодыжек. Это было по-правильному жестко. Быстро, грязно, восхитительно.

Значит, не френдзона.

5

Ли

– Марк хороший мужчина, один из лучших, – голос моей матери сочится одобрением и облегчением. Я улыбаюсь, тоже чувствуя облегчение, что смогла ей угодить. Пройти тест, хоть никто из нас не ожидал, что я буду вообще его проходить. Мужчина хочет на мне жениться, хороший мужчина. Я буду женой. Я справилась.

– Тебе так повезло, – добавляет она с ноткой грусти в голосе. Я глубоко вдыхаю, в комнате нет кислорода. Никогда еще моя мать не говорила, что мне повезло. Я хотела услышать это, но теперь это наконец-то случилось, и ее заявление отдает горечью.

Сколько я себя помню, моя мать твердо утверждала, что мы невезучие. Мы с ней. Она часто это говорила, когда я росла. Многократно. Маленькие неудобства непропорцио-

нально сильно ее тяготили, но в то же время она ожидала и точно уж принимала неприятности, расстройства и проблемы, никогда не противясь и не ища решений, потому что считала нас невезучими. Просто так все и было. Не то, что нужно оспаривать или даже презирать, просто вещь, которую я должна была принять. Моя невезучесть. Вещи, присланные по почте, будь они бракованными или поврежденными, никогда не возвращались, она просто не верила, что продавец вернет ей деньги, поэтому довольствовалась полученным. Когда она замечала сырость или невыносимо шумных соседей в съемных квартирах, она не ставила под вопрос арендодателей, а вместо этого пожимала плечами и просто жаловалась на бесконечные бронхиты – не удивительно, в таких условиях. Я не поступила в выдающуюся школу в моем микрорайоне, а должна была ездить на автобусе в ту, что была намного больше и хуже, в нескольких милях от дома, но она не подала на апелляцию, как успешно сделали несколько матерей, она просто приняла это.

Потом, когда мне было девятнадцать, я заболела свинкой, приведшей к редкому осложнению – вирусному менингиту, который в свою очередь позже стал причиной еще более редкого случая ранней менопаузы всего в двадцать четыре года, но моя мать просто сказала, что мне не повезло родиться во время, когда вакцина КПК еще не была нормой для школьников. Просто не повезло. Она не говорила, что моя ранняя менопауза и последующее бесплодие были сокрушительны-

ми, подавляющими, катастрофическими.

Просто не повезло.

Я всю жизнь ждала, чтобы она назвала меня везучей – значит, с моей стороны противоречиво презирать кроющийся за этими словами смысл, когда они уже сказаны. Он не думает, что я заслуживаю его. Моя собственная мать. Она думает, что удача, а не усилия привели меня к этому моменту. Она про себя гадает, продержится ли мое везение?

– Жаль, что такая погода, – добавляет она. Этим утром, когда я проснулась, снаружи покапывал дождь, ничем не напоминая ясный летний день из моего воображения. Я пытаюсь игнорировать этот факт. – Думаешь, шатер будет водонепроницаемым?

– Да, – твердо отвечаю я.

– Если пойдет ливень, никто не услышит, как вы говорите клятвы. Тебе бы не пришлось об этом переживать, если бы выходила замуж в церкви.

Я тянусь за своим телефоном. Проверяю прогноз погоды.

– Через час или около того должно проясниться.

Мы женимся в саду Марка. Нашем саду! Мы решили не жениться в церкви, потому что последним визитом мальчиков в церковь были похороны их матери, и мы с Марком не хотели провоцировать никаких тяжелых воспоминаний. Марка совсем это не волнует, но он не религиозен, и даже если верил в Бога, он перестал, увидев смерть своей жены от рака всего в тридцать два года. Я считаю себя отдаленно

духовным человеком, хотя не схожу с ума по догматическим патриархальным доктринам. Наверное, я всегда думала, что выйду замуж в церкви – если вообще выйду – не столько ради себя, а ради матери.

Моя мать регулярно ходит в церковь, но она перестала пытаться затащить меня туда, когда мне было девять – ей было стыдно перед другими прихожанами за мое неприкрытое отсутствие энтузиазма к механически повторяемым молитвам, которые, казалось, никто не слушал. Примерно в то время мой отец ушел от нас. Моя мать отреагировала на его уход, подняв свои ставки с Богом. Ее больше не удовлетворяли еженедельные визиты, она ходила на службу каждый день, было не ясно, за кого она молилась – моего отца или себя. Несмотря на то, что я сама не ходила, убеждения моей матери – ее вина и страх – пронизывали всю мою жизнь. Я очень совестливая и сознательно поступаю правильно, когда могу, даже если это доставляет неудобства, нагоняет скуку или в целом тяжело. Было сложно решить, что было правильным в определении места свадьбы, учитывая желание моей матери, чтобы я выходила замуж в церкви, но также принимая во внимание травму мальчиков. Я кратко задумалась, смогу ли просто найти церковь, совершенно непохожую на ту холодную церковь из серого камня, построенную в девятнадцатом веке, где проходили похороны Фрэнсис. Марк отметил, что в современных церквях не получится красивых снимков. Я встала на сторону мальчиков. Моя мать рада, что станет

бабушкой, но раздражена, потому что я не вышла замуж в церкви – ей кажется, что все это слегка неприлично. Не священо. Я прилагаю много усилий, чтобы не позволить ее видению пробраться мне в голову.

– Сегодня, дорогая, попытайся не расстроиться от того, сколько внимания будет уделяться мальчикам. – Я мысленно закатываю глаза, но пытаюсь не двинуть ни одной мышцей лица. Сколько я себя помню, я старалась не выдать ей своих мыслей. Сконцентрируйся. «Я выхожу замуж. У меня будет новая семья. Мне больше не нужно беспокоиться о том, что она думает или говорит».

– С чего бы мне расстраиваться?

– Ну, никто бы тебя не обвинил, дорогая, если бы ты расстроилась, – торопливо говорит она. Опознает ошибку через мгновение после того, как ее совершила. Нормальная ситуация. – Просто невесты традиционно ожидают быть в центре внимания и располагать интересом окружающих.

Я все это время настаивала, что мальчики должны быть в центре внимания. Я предложила, чтобы они пригласили своих друзей, чтобы они стояли с нами, когда мы будем говорить клятвы. Чтобы они надели синие льняные костюмы, похожие на папин. Если я все это скажу ей, это прозвучит как будто я оправдываюсь. Моя искренность будет звучать неестественно. Я просто говорю: – Очень важно, чтобы они были большой частью праздника, чтобы они знали, что мы все заодно. Я с радостью разделю с мальчиками восторги гостей.

К счастью, в тот момент, прежде чем разговор накалится, Фиона крикнула мне снизу лестницы, что машина уже ждет нас. Если мы не выдвинемся, то опоздаем.

– Ты же не хочешь, чтобы Марк решил, что ты передумала, – кричит она.

Наша свадьба – веселое, хаотичное, пьяное и полное детей событие. Она проносится быстро: череда ярких картинок, звон бокалов, широких, искренних улыбок. Я ожидала, что буду громче всех охать и ахать над мальчиками, но на деле, когда я увидела их втроем, ожидающих меня у алтаря, меня захлестнула эмоция посильнее умиления. Я расплакалась. Крупные, неконтролируемые слезы счастья скатывались по моему лицу, размыв макияж, но осчастливив Марка. Когда я дошла до алтаря, мне едва удалось с запинанием проговорить клятвы, так я была потрясена. *Так* чертовски счастлива!

Наши гости выглядели элегантно и радостно, все до последнего. Я пригласила друзей, нескольких коллег, одного или двух маминых друзей и их семьи. Естественно, Фиона была подружкой невесты. Марк пригласил в два раза больше людей, чем я, совсем не обращая внимания на традиции, диктующие, чтобы вторая свадьба была меньше, спокойнее. Он пригласил всех своих родственников и друзей. Я пытаюсь не думать, сколько из гостей на моей свадьбе были друзьями Фрэнсис. По правде говоря, невозможно определить, потому что все рады за нас, за него. Я купаюсь в комплиментах и

поздравлениях. Если люди про себя думают, что Марку рановато жениться меньше чем через год после смерти жены, у них хватает такта это не озвучивать.

После церемонии, когда мы толпимся счастливыми группками и я с трудом удерживаю свой вес пятками, чтобы каблуки не погрузились в траву, я стою с Фионой, умиротворенная, довольная. Я провожу взглядом по сцене празднования и пытаюсь запечатлеть ее в памяти. Весь день я сознательно пыталась удерживать ценные моменты: выражение лица Марка, когда он увидел меня идущей к алтарю, регулярно прорывающийся сквозь разговоры смех мальчиков – мой слух теперь привык к этому звуку, я могу различить их смех среди других детей – красивые букеты повсюду, наполняющие воздух пьянящим, дурманящим запахом, пузырьки шампанского на языке, хотя мне даже не нужен алкоголь, я уже опьянела от удовольствия. Горячая маленькая ладошка Себа была крепко зажата в моей руке большую часть дня, но он ускользает от меня, радостно бросившись к Оли и другим детям, столпившимся у стола с капкейками.

На меня сыпятся комплименты от моих друзей, непринужденные, потому что они ощущают себя достаточно свободно, чтобы вклиниться в самые интимные отношения и высказать свое суждение: «Ты хорошо справилась!» Коллеги с добрыми намерениями добавляют: «Он один из хороших парней!» Он нравится, популярен. Чрезвычайно. С тех пор, как я начала с ним встречаться, меня немного ошеломляла посто-

янная волна похвалы, которую он заслуживал. До него я в основном встречалась с мужчинами, которых окружающие редко одобряли, не говоря уж о том, чтобы ими восхищаться.

Он вызывает восхищение, с этим сложно спорить. Я начала шутить, что хоть я нравлюсь людям – на самом деле они могут даже думать, что я очень милая – когда они знакомятся с ним, он нравится им больше и они понимают, что на деле я – скучная половина пары! Я говорю это с улыбкой, чтобы показать, что меня это не беспокоит. Потому что какой бы женщиной я была, если бы переживала, что людям невероятно сильно нравится мой муж? Меня не игнорируют. Если на то пошло, люди замечают меня чаще теперь, когда я с ним и у меня есть мальчики. Он привык быть в центре внимания. Умершая в таком молодом возрасте жена и тот факт, что он действительно потрясающий отец-одиночка способствуют этому. Марк много улыбается, ему нравится нравиться. Я имею в виду, а кому это не нравится? Даже когда он перестает улыбаться, скажем, разговаривая с учителем первого класса о ребенке, укусившем Оли, он все еще привлекателен. Мне так повезло, что он выбрал меня.

– Так хорошо, что погода ничего не испортила! – говорит Фиона.

– Согласна, – я качаю головой.

– Что?

– Ничего.

– Что?

Она слишком хорошо меня знает.

– Ладно, это безумие, но ты знаешь, как моя мать может меня задеть?

– Что она опять сказала?

– Ничего. Ну, ничего нового. Просто, когда я увидела погоду сегодня утром, я не смогла не задуматься на мгновение, если Бог существует, то есть ли шанс, что он немного обижен на меня, ощущает мое пренебрежительное отношение?

– Потому что ты не вышла замуж в церкви? – я слышу изумление в голосе Фионы. Оно помогает. Ее смех надо мной разоблачает суть моего глупого суеверия. Страх.

Я позволяю себе улыбнуться.

– Полагаю, он не сильно обижен. Он не наслал чуму и мор, просто серое небо и немного дождика ранним утром.

– Ага, это довольно слабо для оскорбленного Всевышнего. Может, это Фрэнсис демонстрирует недовольство, – подшучивает Фиона, игриво ткнув меня под ребра. – Она в раю, смотрит на тебя и бесится, что ты въехала к ее муженьку и детишкам, в *ее* дом так быстро, – Фиона, не имеющая в голове ни крупицы религиозной веры, смеется, говоря это. Она ласково сжимает мне плечо, показывая, что она безобидно шутит.

Я вздрагиваю. На улице прохладно, а мое легкое, тонкое платье было сшито и выбрано для более солнечного дня.

– Глянь, ты дрожишь! Она только что прошлась по твоей могиле, – Фиона хохочет над собственной шуткой. Я люб-

лю ее, но мы не слишком похожи. Я осторожная и добрая. Или, по крайней мере, пытаюсь таковой быть. Она дикая, веселая и часто принимает плохие решения. Это одна из причин, почему я ее люблю. С моей стороны неразумно ощущать дискомфорт. Секунду назад непочтительность Фионы меня успокаивала. Она не виновата, что всегда заводит все слишком далеко, и она только что переступила границу бестактности, безвкусицы. Фиона всегда во всем видит только шутку, удовольствие. Она замечает тревогу на моем лице и смягчается.

– Серьезно, Ли, расслабься. Плохая погода – это грустно, но мы живем в Англии, дерьмовая погода здесь не сюрприз или наказание.

Я киваю, зарываясь носом в свой букет. Я хочу, чтобы меня охватил чистый, насыщенный запах роз.

– Ты же знаешь, что, если бы жизнь после смерти существовала – а ее не существует, – Фиона пренебрежительно закатывает глаза, – но если бы существовала, и Фрэнсис смотрела бы на тебя сверху, она бы точно была довольна, что ее сыновья нашли новую маму, которая их любит.

– Я не пытаюсь ее заменить, – это я говорила сотни раз в месяцы после того как познакомилась с Марком и влюбилась в него.

– Я это знаю, но ты заменишь, потому что мальчики тебя полюбят и забудут ее. Они совсем маленькие. Это к лучшему.

– Почему ты так уверена? – Я имею в виду, что мальчики сохраняют – или нет – воспоминания о матери, но Фиона неправильно меня понимает.

– Что жизни после смерти не существует? Ну, это сказка, не так ли? В этом нет смысла. То есть, что случится, когда вы с Марком умрете, если Фрэнсис уже наверху придерживает для него место? Вы что, устройте уютный тройничок? Я не думаю, что *ménage à trois*³ это в твоём стиле.

Она права, конечно же; в историях о загробной жизни нет смысла. Как нет смысла и в том, что бог наказывает меня за решение выйти замуж в саду, чтобы уберечь чувства мальчиков. Если он мстительный бог, он может преследовать убийц, террористов и педофилов. И насколько я поняла – из новостей, Интернета – эти люди частенько остаются безнаказанными.

– Слушай, Ли, извини. Я ничего такого не имела в виду. Это же лучший день твоей жизни. Ты получила семью, которую всегда хотела, которую думала, что не получишь.

Она права. Не о чем беспокоиться. С этого момента все будет хорошо. У меня есть семья. Это чудо. Я прекращаю даже заигрывать с мыслью, что Бог существует. Или о везучих и невезучих людях, скованных судьбой и предопределенностью. Я решаю сама прокладывать свой путь.

Марк разговаривает с группой друзей. Он смеется над их словами, но я чувствую, что, разговаривая с ними, он ищет

³ Менаж а ттуа, *фр.* – семья (любовь) втроем

меня глазами. Проверяет, в порядке ли я, не одна ли, не расстроила ли меня мать, не вывела ли меня из себя свадебная логистика. Перед свадьбой я призналась, что беспокоюсь о всех этих вещах. Мы встречаемся взглядами, он улыбается мне. Это теплая, честная, открытая улыбка. Я улыбаюсь в ответ, он посылает мне воздушный поцелуй. Я притворяюсь, что поймала его. Мы смеемся. Потом мы снова оглядываемся. Проходясь взглядами, как лучами маяка. Мы одновременно замечаем мальчиков, сидящих за столом с кексиками, с лицами, измазанными кремом и удовольствием. Мы все проживаем идеальный день. Мы проложим путь как одна семья и он будет чудесным.

6

Марк

Четверг, 19-е марта, 2020

– Где мама?

– Не знаю.

Себ смотрит на своего отца, излучая недовольство его ответом.

– Почему она не звонила на этой неделе?

– Наверное, она очень занята. – нечестный выпад, укор в сторону жены, ранящий ребенка, но Марк злится на нее,

поэтому ему все равно.

– Она обычно возвращается домой к этому времени, – отмечает Себ. Он звучит обеспокоенно. Очевидно, не знает, как продолжить. – Мне нужно, чтобы она проверила мое домашнее задание по французскому.

– Я его проверю.

Себа это не впечатляет. Они оба понимают, что Марк мало знает о сопряжении неправильных глаголов, вероятно, даже меньше, чем сам Себ, а Себ внизу рейтинга по языкам.

– Да не надо, – бормочет он и медленно выходит из кухни. Он не доел завтрак, но Марк не утруждается кричать на него, настаивать, чтобы он вернулся к столу. В нем осталось мало сил для ссор, а те, что еще есть, он хранит для Ли.

Оли не спрашивает, где его мать, но он то и дело поглядывает на кухонные часы. Двадцать пять минут девятого. Обоим мальчикам пора в школу. Они опоздают. Обычно Ли возвращается как раз до восьми, иногда, если поезда опаздывают, она врывается в дверь в пять минут девятого. Ночной поезд прибывает в 7:07 утра. Ли всегда выбирается из него, как только он останавливается на Юстон. Спешит вернуться домой и увидеть мальчиков перед школой, пусть даже на несколько минут. Она всегда звонит, если поезд опаздывает. Всегда. Она помешана на планировании и расписании. Она всегда говорит им, что ее успех в качестве бизнес-консультанта основан на ее управлении своим временем, что она не позволяет себе бездельничать ни секунды, максимизиру-

ет все свободное время, и т. д., и т. п. Они часто подшучивают над ее слегка бескомпромиссным подходом, но они все неохотно принимают, что структура, привносимая ею в их жизни, в основном полезна.

Ее отсутствие – это однозначно странно. И то, что она не звонила всю неделю. Марку стоило знать, что от мальчиков нельзя вечно отмахиваться, говоря о ее бесконечных встречах, разрядившемся телефоне, что, может, она его потеряла.

– Почему она тогда просто не воспользовалась телефоном в отеле? – спросил Себ.

– Может, она забыла наши номера.

– Что, все? Даже домашний? – презрительно спросил Себ.

Ему было двенадцать, не шесть.

Ни один из них не связывался с ней с утра понедельника. Она всегда работает с понедельника по четверг, но обычно она звонит им по несколько раз за день, пишет более-менее постоянно. Присылает напоминания о том, что оставила им в морозилке, в каком порядке есть домашние блюда, и сколько их нужно разогревать. Она могла написать время начала футбольной тренировки или о родительском разрешении на что-нибудь, на которое нужно ответить. Оли, в частности, часто говорит, что ее удаленный микроменеджмент его раздражает. Марк подозревает, что, как и распределение времени, беспокойство Ли тоже втайне ценится. Часто она присылает просто: «Привет, надеюсь, у тебя был хороший день.» «Привет, как прошел тест по математике?!!» «Привет, ду-

маю о тебе.»

На этой неделе никто не получил ни единого сообщения.

– Я не пойду в школу, пап, – говорит Оли. – Думаю, тебе нужно вызвать полицию.

По дому разносится звук дверного звонка, всем кажется, что он громче, чем когда бы то ни было. Он сотрясает стены, растаптывает тишину, в которой они мариновались.

– Это она? – кричит Оли с верхней площадки лестницы.

– Я так не думаю. С чего бы ей звонить в дверь? У нее есть ключ. – И все же сердцебиение Марка на долю секунды учащается, потому что ему бы этого хотелось. Очень сильно. Где-то глубоко в душе он ощущает что-то более могущественное, чем здравый смысл, сочетание тоски и сожаления. Он жаждет, чтобы это была она, но знает, что это не так. Этого не может быть. Это было бы чудом. Он хочет чуда, но проблема в том, что он в них не верит.

Оли, как иногда угрюмый почти шестнадцатилетний парень, проводящий много времени в попытках убедить родителей, что его не заботит ничего, кроме видеоигр и недозволенного алкоголя – и что родители его заботят меньше всего – очевидно взволнован, несомненно очень переживает. Этот факт не скрыть, сколько бы он ни пожимал плечами и не потряхивал волосами. Оба мальчика отказались идти в школу. Себ разразился слезами и сказал, что если отец не позвонит в полицию, то он сделает это сам.

– Давайте просто посмотрим, а?

– Посмотрим на что? – возмутился Себ. – Ее здесь нет!

В этом и суть!

Марк подождал до десяти, а потом, когда его звонки Ли остались без ответа и они не получили от нее известий, когда в новостях не было ничего, объясняющего серьезную задержку поезда или метро, Марк наконец-то вызвал полицию.

Дверной звонок выманил мальчиков из своих комнат. Они топчутся на вершине лестницы, а Марк внизу. Каких-то несколько метров, но в тот момент они кажутся непреодолимой пропастью. Непроходимой. Чересчур. Марк знает, что должен сказать что-нибудь успокаивающее. Он не может ничего придумать, поэтому просто грубо бормочет: – Я думал, вы делаете домашние задания.

– Не смог сконцентрироваться, – говорит Оли.

– У меня их нет, – отвечает Себ.

– Идите и займите себя чем-то.

Марк обладает неприятной склонностью казаться немного вспыльчивым, когда нервничает. Если бы Ли была здесь, она бы сдержанно положила руку ему на предплечье, ненавязчиво напоминая помягче относиться к мальчикам. Ее большие карие глаза молча взмолились бы о терпении. *Они тоже напуганы.*

Но ее здесь нет. В этом и проблема.

Оли что-то бормочет, Марк не разбирает точных слов, но улавливает суть. Разочарование, неодобрение. Страх. Маль-

чики плетутся обратно в свои комнаты – ненавидя неопределенность, что выглядит как ненависть к их отцу. Под весом всего этого у Марка прогибается спина. Он хочет согнуть колени, повалиться на пол, но ему нужно выпрямиться. Какое впечатление это оставит полиции, если они обнаружат его распластавшимся и рыдающим?

Марк открывает дверь и что-то словно пронесится по его естеству. Он вздрагивает без логической на то причины. Вероятно, это просто холодный воздух, ворвавшийся в дом, и ускользящее изнутри тепло, но кажется, будто дело не только в этом. Жизнь Марка – какой он ее знает – спешит наружу, а проблемы врываются внутрь.

Они представляются и показывают свои значки. Женщина, детектив-констебль Клементс, старше. Мужчина – скорее, мальчик – называется констеблем Таннером. Зная, что мальчишки – Оли практически точно – будут болтаться неподалеку, в зоне слышимости, и пытаться внять всему сказанному, Марк быстро подтверждает – да, его зовут Марк Флетчер, и да, он звонил касательно пропажи человека, его жены. Потом он поспешно приглашает их в гостиную.

Марк невольно разглядывает их форму – радио, фонарики, громоздкие ремни и тяжелые ботинки – и она кажется драматичной и агрессивной в семейной гостиной. Дом Флетчеров вполне стандартный. Возможно, немного неопрятнее среднего. Большинство мебели куплено в Next. Мягкие вещи – серого и бежевого оттенков, различные столики – при-

стенный, журнальный, боковой – сделаны из сетлого дуба в деревенском стиле. Все сочетается. Ли нравится, когда вещи сочетаются. Не то чтобы кто-либо обычно замечал, что сочетается, а что – нет, навещая Флетчеров, потому что от этого отвлекает внимание беспорядок. С другой стороны, вряд ли кто-то заметит, что диван немного просел, покрыт пятнами, а на столиках остались кольца от кофейных чашек. Боевые раны, полученные мебелью за прошедшие годы – когда мальчики разливали свои напитки или не пользовались подстаканниками – в основном прикрыты кусочками семейной жизни: журналами, газетами, грудями глажки, школьными портфелями, книгами и спортивным инвентарем. Они из тех семей, что в большинство вечеров собираются у телевизора. Не считая Оли – он предпочитает быть один, и по большей части прячется у себя в комнате, если его не выманить едой. Они бросают множество вещей в коридоре, придя домой после школы и работы, но значительное их количество добирается и до гостиной. Время от времени у Ли или Марка кончается терпение, обычно когда они что-нибудь теряют – пульт, ключи – и тогда они грозятся генеральной уборкой. Иногда они даже находят для нее время. Марк ощущает физическую боль в груди, вспоминая, как Ли приложила усилия и убрала кухню в воскресенье, но не успела прибраться здесь, потому что все пошло наперекосяк. Полицейские все еще стоят.

– Присаживайтесь, присаживайтесь, – предлагает он. По-

лицейские поворачиваются к дивану и оглядывают беспорядок немного беспомощно, безнадежно. Марк сметает хлам, бесцеремонно смахивая книги и кроссовки с дивана на пол. – Пожалуйста, садитесь. – Он звучит очень настойчиво. Больше указание, чем приглашение, о чем он жалеет. Он не хочет показаться агрессивным. Он хочет чтобы они были на его стороне. Ему нужно, чтобы они воспринимали его как все окружающие. Марка в целом считают добродушным парнем. Секрет в том, что это не так. Не совсем. Точнее, не всегда. А кто не такой? Просто его так воспринимают. Репутация не всегда справедлива или точна. Непостоянна. Иногда ее сложно заработать и легко потерять. В других случаях ее легко получить, но сложнее от нее избавиться.

Но никто не может ожидать, что Марк в данный момент будет чувствовать себя легко.

Детектив-констебль Клементс улыбается и садится. Она попутно указывает на противоположный ей стул и Марк послушно занимает его. Это его дом, но им всем очевидно, что главная здесь она. Марк не против. Ему нужно, чтобы так было. Он прикидывает возраст полицейской – ей немного за тридцать, но ее сдержанная, при этом успокаивающая улыбка выдает спокойную уверенность, присущую людям постарше. Марк долгое время шутил, что полицейские выглядят как дети. Когда он это делал, Ли говорила ему не ступать на эту дорожку. «Это тебя старит», настаивала она. Ли не выглядит на свой возраст и по возможности избегает его назы-

вать.

Хоть они сидят друг напротив друга, разделенные журнальным столиком, Марк ощущает запах сигаретного дыма в ее дыхании и на одежде. Большинству курящих людей, с которыми он встречается, он говорит, что смерть от рака отвратительна. Люди позволяют ему это делать, потому что он потерял свою первую жену и казалось бы неуважительным не позволить ему выплеснуть чувства. Осудить. Он не утруждается произносить речь перед полицейской. Он полагает, она знает об ужасных смертях не меньше его. Марк думает, что с ее работой он бы тоже курил.

– Значит, вы сообщили, что ваша жена пропала.

– Да.

– Как давно?

– Я не видел ее с утра понедельника, – признает Марк.

– Сэр, сейчас обеденное время четверга. – «Сэр» кажется якобы уважительным, но на деле звучит с вызовом и упреком. Это сказал мужчина. У него вдоль челюсти рассыпаются красные пятна прыщей, трубящие о том, что он только недавно оставил детство позади. У него все еще впереди. Величие и ужасы жизни. – Почему вы ждали до этого времени?

– Она работает вне дома с утра понедельника до среды, а потом возвращается на ночном поезде из Эдинбурга в ночь на четверг. Обычно мы видимся с ней в четверг во время завтрака. Я не знал, что она пропала, до тех пор, как она не появилась сегодня утром. Она работает бизнес-консультан-

том. В данный момент она работает на компанию, производящую ветровую энергию, в Шотландии.

– Но вы же позвонили на ее место работы, чтобы подтвердить, что она была на работе с понедельника по среду, то есть не пропала, просто не дома, верно? – Марку не нравится небрежный тон, которым молодой полицейский озвучивает утверждения и попросту слегка приподнимает интонацию в конце предложения, надеясь, что это сойдет за вопрос. Марк думает, что он должен быть более формальным, более тщательным. Он качает головой.

– Она не явилась на работу? – спрашивает Клементс.

– Я не знаю. Я не знаю, кому звонить. У меня нет номеров ее коллег или ее начальника. – Марку неловко признавать это. Он не осознавал этого до сегодняшнего утра, когда ему нужно было им позвонить. Но Ли – независимая женщина, они не следят друг за другом. Если ему нужно было позвонить ей в рабочее время, он звонил на мобильный, зачем бы ему понадобился номер ее начальника?

– Нет головного офиса, куда вы можете позвонить? – Снова, утверждение, выдаваемое за вопрос. Марк сдерживает раздражение от ленивой формулировки констебля.

– У бизнес-консультантов все по-другому. Когда их распределяют на задание, с ними нельзя связаться через обычные каналы. Если подумать, люди вызывают бизнес-консультантов, только когда у них в компании что-то неладно, они не слишком хотят об этом кричать. Этот процесс окутан тай-

ной. Я даже не уверен, на какую энергетическую компанию она работает.

Полицейские переглядываются. Марк беспокоится, что они его осуждают, считают, что он провалился как муж, что он не интересуется карьерой жены, что он недостаточно просвещен. Это сработает против него. Он пытается сгладить это впечатление. – Мне никогда не нужно было знать детали. Обычно мы много общаемся по телефону.

– Но вы знаете название ее компании, сэр? – Невозможно не заметить нотку сарказма.

– Да. «Питерсон Уиндлупер». Она работает на них уже лет восемь.

– Мы это проверим, – говорит Клементс. Марк благодарно улыбается ей. Она не отвечает взаимностью.

Констебль Таннер продолжает: – Так, вы сказали, что обычно много общаетесь по телефону. Я правильно понимаю, что на этой неделе было не так? – спрашивает он.

– Я с ней не разговаривал.

– Сообщения? WhatsApp? Электронные письма? Что-нибудь?

– Нет, ничего.

Теперь их взгляды прикованы к Марку. Он чувствует их силу, хоть и не смотрит на них, а вместо этого глядит в точку над их головами.

– Ничего? Ни слова. И это необычно?

– Да. Конечно, – огрызается Марк. – Как и большинство

пар, мы обычно каждый день разговариваем по телефону, пока ее нет. Она, как правило, звонит пожелать мальчикам спокойной ночи, и да, мы также регулярно переписываемся.

– Но вы ждали до этого времени, чтобы сообщить о ее исчезновении?

Он вздыхает. Это выйдет наружу. Он думает, ему лучше сразу все им рассказать. Это никогда не будет выглядеть хорошо.

– Мы поссорились. Я думал, она обижается. – Марк все еще не смотрит на лица полицейских. Он хотел бы увидеть их выражения, оценить, что они думают, но он решает, что не может рисковать променять это преимущество на то, чтобы они прочли его и узнали, о чем он думает. Он полагает, полиция натренирована в этом. В понимании сказанного. Определении недосказанного.

Полицейская кивает молодому констеблю. Он достает блокнот. Он странно старомодный, Марк думал, нынче у них какие-нибудь электронные блокноты.

– Констебль Таннер сделает несколько заметок. Поэтому давайте отмотаем назад, ладно? Когда вы в последний раз видели свою жену?

– Я уже говорил, в понедельник за завтраком.

– И тогда вы поссорились?

– Нет, мы поссорились в воскресенье вечером.

– Из-за чего?

– Это пустяк. Глупая ссора. – Полицейские ждут. – Мы

с мальчиками посмеялись над тем, как она танцует. – Таннер фыркает, привлекая внимание Марка. Он с презрением оглядывает констебля. Клементс тоже бросает на него суровый взгляд. Он принимает серьезный вид.

– Это не похоже на большую проблему, разве вы не помирились к утру понедельника? – спрашивает Клементс.

– Это не было большой проблемой, но, что ж, слово за слово. Ссора вышла из-под контоля. Вы знаете, как это бывает.

– Просветите меня.

– В ту ночь мы спали отдельно. Послушайте, разве это имеет отношение к делу? – Марк пробегает руками по волосам, жестко почесывает голову. Это привычка с детства – нервничая, он чешет голову. Был период, вскоре после смерти Фрэнсис, когда он так часто и сильно чесал голову, что раздирал кожу, его скальп кровоточил.

– Мы просто пытаемся выяснить душевное состояние вашей жены.

– Ее душевное состояние? – Марк не знает. – Ли нелегко понять. Она обычно очень спокойная. – Почти отстраненная. Честно говоря, это одна из вещей, привлекающая его к ней. Она совсем не истеричная. Не слишком эмоциональная. Ну, по большей части. Когда они познакомились, у Марка было достаточно проблем, достаточно навалившихся эмоций – своих и мальчиков – он не смог бы справиться с чувствительной, чрезмерно возбудимой женщиной. Ему нужна была яс-

но мыслящая, сдержанная, собранная жена. – Поэтому ссора была такой необычной. Не в ее характере так бурно реагировать. Кричать на меня, на мальчиков.

Потом, когда настало время сна, она не забралась в кровать, забыв о случившемся.

– Я не могу. Я просто не могу, – пробормотала она, доставая запасное одеяло из шкафа. – Я не могу спать с тобой в одной комнате.

Марк не предложил поспать на диване. Ну ее на хрен. Она вела себя как телка.

Они едва перекинулись словом за завтраком. Ровно столько, чтобы убедить Себа, что все в порядке. С двенадцатилетками еще можно это делать, заставить думать, что вы взрослые и управляете кораблем. Оли был менее убежден – он уже понял, что взрослые настолько же потеряны, как все остальные. Она сделала Марку тосты как обычно, он их не съел. Он вел себя как мудака, встал в позу, отверг ее мелочным, жалким способом. Он плохо спал. Он все думал, что она поднимется и мягко скользнет под одеяло. Что они прижмутся друг к другу, не нуждаясь в словах, потому что знают – это была глупая, раздрутая ссора. Но она не пришла.

В три часа ночи ему надоело тарашиться в потолок. Он откинул одеяло и прокрался вниз к ней. Готовый перешагнуть свою гордость, сделать первый шаг. Он ожидал, что она не будет спать, может, читать, может, глазеть в темноту, как он. Она спала. Глубоко и ровно дышала. Он не знал, поче-

му, но ее способность спать после всего сказанного разозлила его еще сильнее, чем если бы он обнаружил ее плачущей.

Волна вины захлестывает комнату. Она чуть не поглощает его. Он глубоко вдыхает.

– Она пропала. Вам нужно искать ее, а не тратить время зря, сидя здесь со мной.

– В большинстве случаев за скандалом следует период охлаждения, а потом жена возвращается домой, – говорит полицейский. Кажется, на него этот факт нагоняет скуку.

– Это не был скандал. – Марку не нравится подбор слова, не нравится нить размышлений Таннера. Такое пишут в газетах, не так ли? «Полицию вызвали из-за домашнего скандала». – Я не бил ее, ничего такого, – настаивает Марк.

– А вы так делали? Когда-либо? – Этот более острый вопрос озвучивает женщина.

– Нет! – Марк осознает, что ему нужно перестать разговаривать. Он понимает, что вполне может усугублять ситуацию. Он не может мыслить отчетливо. Он словно на тридцать секунд отстает от реальности, как когда в новостях показывают репортаж с места событий с задержкой времени – это кажется не совсем настоящим. Достоверным.

Марк не может догнать события. Он не может реагировать достаточно быстро, чтобы что-либо спасти. Его мысли отрывистые, разрозненные. Это ожидаемо, учитывая травму и недостаток сна в последние дни. Он словно тащит свое тело сквозь чужую жизнь. Слава богу, он не сказал этого вслух.

Никому не стоит говорить о таскании тел. Он не чувствует себя полностью в сознании, но это не похоже на сон или кошмар; в них есть плюс – каким бы странным или нервирующим он ни казался – в конце концов вы проснетесь. Марк знает, что он не проснется внезапно, получив старую жизнь назад.

– Мы просто задели чувства друг друга, – бормочет он, защищаясь.

– Я полагаю, вы звонили жене? Отправляли сообщения?

– Да, я звонил ей во вторник.

– Не в понедельник?

– Да, но... – Полицейский занес ручку над блокнотом. Собранный, готовый записать слова Марка. Ему нужно быть осторожным. Точным. – Я звонил, она не взяла трубку, поэтому я оставил голосовое сообщение с извинениями. Когда она не перезвонила, я просто подумал, что она излишне обижается. Знаете, немного упрямится. Стоит на своем. С тех пор я отправил несколько сообщений в WhatsApp, но она их не прочла. Опять же, я думал, она стоит на своем.

– А теперь?

– Теперь я беспокоюсь.

Они задают больше вопросов, быстро выстреливая их по очереди. Марк мотает головой из стороны в сторону, отвечая и пытаясь не отставать. Пытаясь быть точным. Осторожным.

– Что-нибудь пропало?

– Вроде чего?

– Что угодно: вещи, обувь, сумка, ее паспорт.

– Нет, ничего. Я так не думаю. Я не проверял все. Откуда мне знать? У нее много одежды.

– Вы связывались с кем-то из ее друзей?

– Я звонил ее лучшей подруге, Фионе. Она виделась с ней в понедельник утром. Иногда, если Ли едет на более позднем поезде в Шотландию, они встречаются по-быстрому выпить кофе перед ее отъездом. Фиона говорит, что они встретились, но она не виделась и не разговаривала с Ли с тех пор.

– Это нормально?

– Они очень близки. Они все время общаются по телефону. Так что нет, это не нормально. Вам, наверное, нужно поговорить с Фионой.

– У нее есть родственники? Нам понадобится список имен и телефонов всех, с кем она могла связаться.

– Ладно.

– Можно мы посмотримся?

– Если хотите.

– Вы упомянули мальчиков. У вас есть дети?

– Да, Оливер и Себастьян.

– Сколько им?

– Оли в следующем месяце исполнится шестнадцать, Себу двенадцать.

– Она связывалась с ними?

– Нет.

– Вы уверены?

– Да, уверен. Они бы мне сказали.

– Можно нам все равно поговорить с мальчиками?

– Ну, я не хочу беспокоить их.

– Но вы хотите, чтобы их мать нашли?

– Конечно.

– Тогда лучше нам поговорить с мальчиками. Посмотреть, могут ли они что-нибудь добавить.

Марк следует за полицейскими в комнату Себа. Он поглощен телефоном. Марку внезапно становится стыдно, ему кажется, что его воспитание оценивают, но Клементс спрашивает: – О, во что ты играешь?

– Brawl Stars.

– Моему племяннику нравится Subway Surfers, ты в нее играл? – Себ кивает. Его не беспокоит полиция, потому что его учили уважать и доверять им. – Вы ищете мою маму? – спрашивает он.

– Да. Ты можешь с этим помочь. – Лицо Себа проясняется. Он ярый фанат Шерлока Холмса. Больше сериала, чем книг, к огромному разочарованию Ли. Она всегда пытается больше вовлечь мальчиков в чтение. Марку кажется, Себ представляет, что будет работать с детективами, снимать отпечатки, ставить прослушку.

– Можешь сказать, когда в последний раз видел маму?

– В понедельник утром она отвезла меня в школу. Ей не нужно это делать, никого в таком возрасте не отвозят. Это унижительно, – он краснеет. В их доме постоянно тянется

дискуссия на тему того, нужно ли его отвозить и забирать. Марк не считает, что Себу нужно сопровождение родителей, он более чем способен сам доехать на метро. Марк думает, что Ли настаивает на своем, потому что *ей* это нужно. Она скучает по мальчикам и чувствует вину за свое отсутствие дома по половине недели. Она пытается подлизаться к ним всеми возможными способами, когда она дома. – Она даже забирает меня, когда не работает.

– А отец забирает вас, когда мама работает?

Флетчеры научили детей не врать. Особенно не врать людям при власти.

– Нет. Мама думает, что забирает, но я просто доезжаю домой на метро. Папа всегда ждет меня здесь. Это наш секрет.

Детектив-констебль Клементс долго смотрит на Себа. Марк видит, что она хочет спросить, есть ли у них еще секреты, но она знает, что он маленький мальчик, беспокоящийся за мать.

– Она писала тебе что-нибудь пока ее не было? – Себ качает головой, его глаза наполняются слезами. Он быстро моргает. – Что ж, вот моя визитка. На ней мой номер. Если мама свяжется с тобой, обязательно сообщи мне, ладно? Не нужно ничего от меня утаивать.

Оли больше переживает, когда в дверь его спальни стучит полицейская и спрашивает разрешения войти.

– Прячь дурь, – шутит она. Оли краснеет. Мальчики уна-

следовали эту черту от Марка. Они все зарумяниваются когда злятся, стыдятся или иногда даже когда просто счастливы. Марка это раздражает. Это не очень мужественная привычка.

Оли покраснел не потому, что курит травку, просто взрослые кажутся ему нелепыми.

Клементс выбирает другой подход к Оли, чем к Себу. Она не болтает об играх и не пытается понравиться. Она переходит сразу к сути; она знает, как разговаривать с подростками, у которых ограниченная концентрация и интерес.

– Ты видел маму после понедельника? Вообще связывался с ней?

– Ли мне не мама, – угрюмо говорит Оли.

– Оли, прекрати, – предупреждает Марк. Клементс вопросительно смотрит на него.

– Технически, Ли мачеха Оли и Себа, но она единственная мать, которую они знали, – объясняет он.

– Это неправда. Я помню свою настоящую маму, – бормочет Оли. Атмосфера в комнате становится напряженной. Ее можно почти ощутить на вкус.

– Моя первая жена умерла от рака, когда Оли было пять. Полагаю, он немного помнит Фрэнсис. Но Ли была его матерью почти с семи лет. – Марк ненавидел этот разговор. От него он чувствовал себя неловко, будто он не верен своей первой жене, второй, своему сыну. Оли с Себом принадлежали Фрэнсис, но и Ли тоже. Также, он никогда не знал, ка-

кой возраст Оли на момент их с Ли свадьбы называть. Сегодня он выбрал «почти семь», потому что так траурный период звучал более уважительно. В других случаях он признавался, что ему было шесть, чтобы сделать акцент на том, как давно Ли переняла бразды правления. Это сложно.

Изначально Оли и Себ знали Ли как «тетушку Ли». Потом она стала мамочкой. Она не навязывала им этот титул. Они выбрали ее в этом качестве вскоре после свадьбы. И годами Оли называл Ли мамочкой, потом мамой, но в последнее время он начал звать ее Ли и настаивать, что она ему не мать. Это упоминалось в их воскресной ссоре. Марк знал, что его старший сын просто переживает такой период, он попросту испытывает границы, как любой подросток. И да, тестирование границ могло казаться жестоким, ранящим.

– Просто не обращай внимания, он специально пытается его привлечь, – сказал Марк Ли.

– Я уделяю ему много внимания, – подметила она.

– Я знаю. Послушай, это просто фаза взросления.

Ли – в редкий момент демонстрации своей эмоциональной уязвимости – повернулась к Марку со словами: – Но это нечестно, не так ли? Потому что материнство – это не фаза. Это константа. Мне не разрешается выбрасывать игрушки из кровати и говорить, что с меня хватит.

Так ли это? Действительно ли она решила, что с нее хватит?

Марк возвращается в настоящее, когда Клементс спраши-

вает: – Ты связывался со своей мачехой в последние пару дней после понедельника? – Она выражается точно, настойчиво. Оли качает головой. Марк вздыхает и думает, что нужно хорошо его знать, чтобы заметить его печаль, а для постороннего взгляда он просто кажется ошестинившимся, недоступным. Детектив и ему оставляет визитку.

Полицейские немного рыщут по дому. Клементс просит посмотреть на ноутбук Ли.

– Она забрала его с собой.

– А телефон?

– Тоже.

– Нам нужно будет просмотреть ее аккаунты в соцсетях.

– Она таким не занимается.

– У нее нет фейсбука? или инстаграма? Страницы в твиттере? Ничего?

– Нет. – Марк выглядит гордым. – Старомодно, да? Но достойно восхищения. Она всегда говорит, что если кому-нибудь нужно с ней связаться, они могут позвонить. Она очень ценит разговоры вживую.

– У вас есть ее фото?

Марк показывает им снимок на телефоне: – Это было в субботу вечером. – Меньше недели назад, но также это время уже осталось в истории. Ушло. Они пошли поесть всей семьей. Ничего вычурного, просто вчетвером ходили есть бургеры. Себ сказал, что мама хорошо выглядит. Он настоял на фотографии. Пять дней назад, целую жизнь назад. Клементс

делает снимок снимка на свой телефон.

– Можно нам взглянуть на сообщения, отправленные вами Ли в последние дни?

Марк с готовностью отдает телефон. Сообщения там, как он и описывал. Рядом нет синих галочек, которые бы сигнализировали, что она их прочла. Только серые – сообщения отправлены и доставлены.

Дорогая, извини за позавчера. Если позвонишь мне, я обещаю соразмерно раскаяться

Затем...

На самом деле это был очень крутой тверк 😊

Марк добавил это потому, что пытался разрядить атмосферу. Он не имел этого в виду. Его жена действительно не умеет танцевать.

Это все равно неважно, потому что она не прочла сообщения. Они болтаются где-то в эфире. В черной дыре недопониманий, нарушенных обещаний и лжи. Сообщения томятся там, где может прятаться предательство.

Как только за полицейскими закрывается дверь дома Флетчеров, Таннер спрашивает: – Ну, что думаешь? Она сбежала?

– Может быть.

– Или уже мертва?

Клементс бросает недовольный взгляд на Таннера. Он не замечает, или, если и так, ему все равно.

– Давай надеяться, что нет, – сухо отвечает она.

– Ага, но всегда виноват муж. Не так ли? По статистике.

– Ты забегаешь вперед, Таннер. Давай подходить к этому без предубеждений, ладно? Пока нам просто нужно подать заявление о пропаже человека. И по статистике муж виноват не *всегда* — это бы слишком облегчило нам работу.

В Великобритании об исчезновении человека заявляют каждые девяносто секунд; в год пропадает 180 000 людей. О пропаже многих не сообщают в полицию. Клементс знает статистику. Примерно девяносто семь процентов пропавших либо возвращаются домой, либо обнаруживаются мертвыми в течение недели. Еще два процента возвращаются домой или их находят мертвыми в течение года. Цифры звучат неплохо. Вы бы, может, могли даже ставить на них ставки. Только вот год – это долгий промежуток времени. Найти тело – это плохой результат.

И еще есть один процент тех, кто остаются пропавшими без вести, иногда навечно. Клементс по ночам лежит без сна,

думая о не вернувшихся домой. Их лица преследуют ее; увековеченные на праздничных снимках, школьных или свадебных фотографиях, где они одеты в вышедшие из моды платья. Изображение Ли Флетчер уже выжжено у нее в мозгу. Она оглядывается, идя по улице рядом с Таннером, автоматически всматривается в лица женщин; надеется заметить жену Флетчера. Клементс удивляет и расстраивает, что несмотря на миллион камер видеонаблюдения, отслеживающих передвижения, пин-коды, базы данных, оценки кредитоспособности, банковские и телефонные записи, распознавание номерных знаков, соцсети, отслеживающие приложения, электронные письма, GPS и даже чертовых пронырливых соседей, люди могут ускользнуть незамеченными.

Или быть похищенными?

Клементс пока не позволяет себе мыслить в этом направлении. Это не рационально. Статистически, взрослые уходят по своей воле, хотя, надо признать, с разными степенями нацеленного планирования и чаще всего по больше, чем одной причине. Она мысленно пробегается по списку причин исчезновения людей и сравнивает с известными ей фактами о Ли Флетчер. Проблемы с психикой, диагностированные или нет, объясняют примерно восемь из десяти исчезновений взрослых. Возможно. Проблемы в отношениях являются причиной побега для троих из десяти. Марк Флетчер признал, что они поссорились, поэтому отношения не райские, но одного спора обычно недостаточно, чтобы уйти из

дома. В этом случае деменцию можно вычеркнуть – четверо из десяти людей, страдающих деменцией, в какой-то момент пропадают, часто ненамеренно. Отсутствие дома тоже можно исключить. У Ли чудесный дом. Финансовые проблемы? Они были не очевидными, но Клементс это проверит. Абьюз или домашнее насилие? Никогда не знаешь. Ей нужно будет покопаться.

Клементс глубоко вдыхает, важнее всего сохранять ясную голову, мыслить логически. Она напоминает себе об услышанном в дни ее обучения. Нельзя пропускать все через себя, нельзя позволять этому себя угнетать или это сведет тебя с ума. Она покашливает: – Дьявол в деталях, Таннер.

Таннер пожимает плечами. Что бы ни говорила старшая полицейская, он уже сделал вывод в соответствии с желаемым исходом. Часть его тайком надеется, что Ли Флетчер не просто исчезла, а расчленена и спрятана где-то под половицами. Нет, не по-настоящему. Он просто шутит. Вроде как. Потому что он никогда не расследовал убийство, а ему до смерти этого хочется. Простите за каламбур.

Если бы у Таннера было больше опыта, он бы не проявлял столько энтузиазма. Дела об убийствах не такие гламурные, просто грустные.

– Давай надеяться, что это что-нибудь и ничего одновременно. Что Ли Флетчер просто отходит после их ссоры. Что она вернется домой к вечеру, – говорит Клементс. Но даже признавая это, она не может не думать о том, что отсут-

ствие платформы в соцсетях обычно знаменует проблему. Для женщины ее возраста это необычное поведение. Многие люди имеют аккаунты, но не публикуют фото, не делятся своими жизнями и просто используют их как способ подглядеть в миры друзей и коллег. Многие настраивают приватность на максимум. Сорокатрехлетние женщины без какого-либо присутствия в сети обычно хранят секреты. Хотят быть невидимыми.

8

Ли

Вторник, 17-е марта

Я умираю от жажды. Рука болит. Голова тоже. Я массирую запястье, возвращая в него кровообращение. Головная боль просто невыносима, но, конечно, я терплю ее, потому что какой у меня еще есть выбор? Я осторожно прикасаюсь к черепу, гадая, есть ли на нем липкая рана. Ее нет, но сзади ощущается болючая шишка. Меня ударили сзади? Или чем-то накачали? Думаю, это более вероятно. Я не знаю. Я чувствую себя одурманенной, оупленной, растерянной, но в то же время мое сердце грохочет на скорости, раздирающей меня изнутри. Если задумываюсь, я прихожу в ужас. Это еще болезненнее, чем физические муки. Мысли о следующем на-

падении. Мрачные и пугающие, но я не могу их отогнать.

Переживу ли я это?

Что со мной будет?

Я не знаю, что делать. У меня нет вариантов, а это мне чуждо. У меня всегда есть варианты. Я всегда могу действовать. Но теперь, по крайней мере на время, я должна подчиниться. Я в плену у безумца. Конечно же, это безумец, потому что какой здравомыслящий человек держит в плену другого? Но насколько он безумен? Что он со мной сделает? Я содрогаюсь от шока и страха. Я двигаю левой рукой, и цепь, приковывающая меня к батарее, снова гремит. Я не могу привыкнуть к этому звуку. Я бессильна.

– Что вам от меня нужно? Зачем вы меня сюда притащили?

Мой дрожащий голос уплывает в никуда. В пространство, одновременно бесконечное и давящее. Никакого ответа. Я уверена, он по другую сторону двери. Я чувствую его, ощущаю угрозу. Он пока не сказал мне ни слова. Его молчание меня пугает. Свет за заколоченным окном угасает. Неужели прошел уже целый день? Мой страх всеобъемлющий и обездвиживающий. Я сворачиваюсь в клубок и плачу.

Должно быть, я заснула, потому что я резко просыпаюсь. Наверное, мое тело отключилось, сработал защитный механизм, но я злюсь на себя за то, что утратила ориентацию во времени. Спать – легкомысленно. Мне стоит оставаться на-

стороже. Я должна. Я замечаю бутылку газированной воды, брошенную в комнату. Нетвердо подползаю к ней и заглядываю слишком много, слишком быстро. Я не знаю, когда мне дадут еще, так что мне стоит оставить на потом. Поэтому я прекращаю пить. Или, по крайней мере, пытаюсь, но так как в комнате больше нечем заняться, я то и дело отпиваю понемногу. Я не могу остановиться. Мне это кажется какой-то формой контроля – делать что-нибудь – хоть это, вероятно, противоположно тому, что мне нужно предпринимать. Само-саботаж. У меня замутнен разум, я не могу думать ясно.

Что-то переключается с побега на борьбу. Что бы это ни было, оно вне моего контроля. Я ничто большее, чем дрожащий мешок страха и адреналина.

– Мне нужна еда! – кричу я, неожиданно разъяренная. Я злюсь сильнее, чем боюсь. – С меня никакой гребаной пользы, если я умру! – Я пинаю стену, до которой могу дотянуться. Тут же жалею о своем взрыве. Нога болит. Вот идиотка, сама себе навредила. Мне нужно оставаться в форме на случай, если предоставится возможность сбежать. Кроме того, откуда мне знать, что с меня не будет пользы мертвой? Я не знаю, чего хочет этот больной ублюдок. Может, он планирует заморить меня голодом. Мне нужно вести себя примирительно. Пытаться найти связь, ведь так происходит в телевизионных драмах. Так делают заключенные женщины. Пытаются поговорить со своими похитителями, найти что-нибудь

человечное и сочувствующее в них.

Это такая хрень.

Будь милой. Будь хорошей. Даже когда тебя похитили и сковали. Особенно тогда. Мне больно, страшно и хочется пить. В основном второе. Так чертовски страшно. Я не могу вести себя как героини телевизионных сериалов. Я снова дергаю свои цепи. Сильно, от этого у меня болит плечо. Они звякают и лязгают, но совсем не поддаются.

– Выпустите меня, выпустите меня!

Тишина. Я словно ребенок, закатавший огромную истерику, а родитель бесстрастно наблюдает, попросту – молча – указывает в угол. Я обмякаю. Соппротивление улетучилось почти так же быстро, как появилось.

– Кто-то придет за мной. Меня будут искать, – настаиваю я.

Потом я снова слышу печатную машинку. Тук-тук-тук. Шуршание. Бумажка под дверью.

«Кто за тобой придет? Твой муж?»

Я читаю записку и замираю. Это не похоже на вопрос. Это скорее издевка.

9

Кэй

Воскресенье, 15-е мая

– Как твоя мама?

– Так же.

– Она реагирует на антибиотики?

– Еще слишком рано говорить. – Я пытаюсь сильно не вдаваться в подробности. Разговоры о болезни – надвигающейся смерти – это грустно, все это знают. Это также скучно, люди просто в этом не признаются.

– Попытайся не переживать, а, дорогая? Ты же знаешь, больные Альцгеймером часто подхватывают инфекции мочевыводящих путей. Она и раньше таким болела и выбралась. – Я знаю, что это предложение только что стоило моему мужу. Мир, который я притащила к нему на порог, для него чужой, по правде говоря, немного пугающий. Он не хочет думать о том, как писает моя мать. Конечно, нет. Я тоже не хочу. – Ты же знаешь, бредовое состояние – результат инфекции. То, что она перевозбуждена и беспокойна, это просто симптом. – Он повторяет часть ранее сказанной мной информации. Возможно, чтобы продемонстрировать, что он меня слушает, может, лишь бы что-нибудь сказать. – По крайней мере, они вовремя ее заметили. – Я однажды объясняла, что если слишком долго не диагностировать и не лечить инфекцию мочевыводящих путей, она может распространиться по кровообращению и стать опасной для жизни. Мне не нравится ему об этом напоминать. Это кажется излишне драматичным. Немного манипулятивно привносить

вариант «что, если». Также я не упоминаю, что такие инфекции делают пациентов с Альцгеймером агрессивными, иногда неузнаваемыми. Это все чересчур. Даан пытается сменить тему. – Как твой номер в отеле? – Он знает, ведь я говорила, что каждый раз останавливаюсь в одном и том же месте.

– Это «Трэвел Инн», Даан. Думаю, ты можешь себе представить.

– Лучше бы ты остановилась в месте поприличнее.

– Это пустая трата денег.

– У нас хватает денег, чтобы тратить попусту.

– Я знаю, но... – Я не заканчиваю предложение. Когда мы с Дааном заселяемся в отели, то только в самые лучшие. Те, что появляются в цветных брошюрах журналов, и у которых аккаунтом в Instagram управляет целая команда. Роскошное постельное белье и белые пушистые халаты это только начало. Мы ездим в места, где можем попивать шампанское в огромных медных ваннах, сидя там, пока у нас не сморщатся подушечки пальцев. Даан показал мне отели, предлагающие прогулку на яхте до частного острова, где из джакузи на вершине скалы открывается вид на пещеры, пляжи, разбивающиеся волны, и где нам подадут блюдо свежих устриц. Он не может себе представить жесткую кровать на одного, синтетическую подушку, ванную, где нет средств от Molton Brown. Он всегда останавливается только в лучших из лучших. Он хочет, чтобы и я так делала. Я объясняла, что шикарные оте-

ли не являются частью визитов к моей матери, они не могут. Мне казалось бы непристойным укрываться одеялом из гусяного пуха, выйдя из хосписа. Даже если бы я могла найти похожее место поблизости.

– Ты хочешь, чтобы я оставалась в более уютных местах, только чтобы представлять меня в большой кровати, – говорю я, позволяя ему услышать улыбку в моем голосе. Мне нужно сменить тон разговора. Как для себя, так и для него.

– Нет, я не настолько поверхностный, – говорит он. Я слышу изумление и предвкушение в его ответе. Он знает, к чему это движется. Мы часто занимаемся сексом по телефону, нам приходится. – Я могу представить тебя в ветхой комнате, если хочешь.

– Она не ветхая, – оборонительно говорю я. – Она просто практичная. Стандартная. – Я никогда не позволяла ему приехать в дом престарелых на северо-востоке Англии, где живет моя мать. Он несколько раз предлагал поехать со мной, конечно, но я никогда этого не допускала. Лучшее объяснение, которое у меня есть – это семейные дела и мне нужно справляться с ними одной.

– Мне все равно, какая кровать, главное, что в ней лежишь ты. Что на тебе надето? – спрашивает он.

– Ничего. – Я всегда говорю «ничего». Мне интересно, действительно ли он в это верит или знает, что я на самом деле еще в джинсах и свитере, а иногда и в удобной пижаме. Это просто игра со знакомыми нам правилами.

– Хотел бы я быть рядом с тобой. – Его голос низкий, пропитанный желанием.

– Мне бы тоже этого хотелось.

– Знаешь, что бы я сделал?

– Расскажи. – Теперь я позволяю себе прилечь. Расстегиваю пуговицу на джинсах.

– Я бы ласкал всю тебя руками и ртом. Мой язык был бы у тебя во рту. Твоя маленькая киска, горячая и влажная, на моем лице. Твоя идеальная маленькая задница. Мой орган был бы твердым, как камень, в твоей руке. Твой язык на нем. Потом ты бы оседлала меня и скакала бы на мне. Мои руки бы обхватывали твои ягодицы, а я бы смотрел на твое красивое личико и идеальную грудь, пока ты безумно трахаешь меня, заставляя излиться в тебя.

Грубо. А поэтому честно, и я как всегда ощущаю волны похоти, нарастающие между ног, проносащиеся по телу. Мои соски затвердевают, когда я представляю, как он их обхватывает, умоляют, чтобы их пососали. Единственное, что мне не особо нравится, это слово «киска». Когда мы вместе в постели, он использует слово на «п», но он никогда не делает этого по телефону. Может, это немного чересчур. Я хочу сказать ему, что «киска» – устаревшее слово, живущее в мире Остина Пауэрса со словами типа «клевый», которые можно использовать только иронично. Но он гордится своим владением английского и использованием идиом, поэтому я не говорю этого, чтобы не обидеть его. Он использует его уже

много лет. Слишком поздно.

Вместо этого я отвечаю рассказом, что конкретно я оближу и пососу. Жесткие, примитивные англосаксонские слова срабатывают на моем мягком, утонченном муже-датчанине. Я слышу, как он достигает пика. Это эффективный процесс, мы уже это делали, но все же он восхитителен и мы оба его ценим.

– Я скучаю по нам, – печально говорит он. Мне не стоило звонить ему в субботний вечер. Обычно я этого не делаю, я подталкиваю его сходить в тренажерный зал и просто пишу в WhatsApp. Сегодня вечером я нуждалась в нем немного больше обычного. Я слышу, как он входит на кухню. Я знаю, что он нальет себе глоток виски перед сном. Я слушаю, как он открывает шкаф, достает стакан, лед позвякивает, а затем трещит под алкоголем. Мы иногда так делаем, просто остаемся на линии в уютной тишине. Особенно после секса по телефону. Так все кажется более нормальным. Если бы я сейчас была с ним, мы бы вместе выпили. Приготовление напитка должно быть праздничным звуком. Если вы пьете со своим партнером, друзьями или семьей, я полагаю, так и есть. В одиночестве, лед звучит, как звон цепей. Я вспоминаю Джейкоба Марли, таскающего за собой свои грехи. Меня захлестывает волна грусти. Что-то телепатическое, потому что я ощущаю его одиночество. – Когда ты со мной, я чувствую себя полноценным, нацеленным, живым. Когда тебя нет, я – сдувшийся шарик через много часов после вече-

ринки. Использованный, – говорит он.

Он поэтичный мужчина. Уверенный, что открывать мне свои самые сокровенные мысли не только безопасно, но и желательно.

Я понимаю. Иногда становится одиноко в нашей красивой, огромной квартире. Что странно, там также бывает тесно, несмотря на ее размер. У меня нет постоянной работы. Это просто невозможно с моими обязательствами здесь, непредсказуемыми, но жизненно необходимыми и не подлежащими обсуждению. Я и так постоянно борюсь с ощущением, что разрываюсь, добавить третий элемент в эту смесь – работу – это слишком. Нам не нужны деньги, поэтому в этом нет смысла. Однако отсутствие приносящей доход работы также означает, что, когда я не здесь, я много времени провожу в одиночестве в нашем пентхаусе. Я провожу дни в тренажерном зале или бассейне нашего дома, но мне кажется, что удовольствие от удобства меркнет перед ощущением, что я в ловушке. Что я сама себя загнала в ловушку. Я занимаю время мыслями о еде, которую мне нужно ему приготовить, белье, которое нужно купить и продемонстрировать ему. Если забить голову достаточным количеством мелочей, не останется места для важных вещей. У меня получалось совершенно не думать ни о чем важном целых четыре года. Интересно, чувствует ли себя Даан тоже в ловушке, когда меня там нет? Вероятнее всего, нет. Не всегда. Он работает в городе и находится в оживленном обществе весь день. Его

чувства, когда мне нужно уехать, скорее всего, менее сложные, просто ему немного одиноко, возможно, он слегка унывает. Меня неожиданно затапливает и изнуряет вечно присутствующее беспокойство, что я несправедлива по отношению к нему. Эта ситуация нетерпимая и недобрая. Но у меня нет выбора. У меня есть обязательства.

– Я вернусь завтра вечером. Пойдем куда-то или останемся дома?

– Давай побудем дома. – Я слышу страсть в его голосе и мое тело отвечает еще одной пульсацией.

– А во вторник у нас гости, да?

– Да. Все подтвердили, что придут.

Нам нравится устраивать небольшие собрания. Не званые ужины. Приглашать людей на ужин это немного старомодно, кажется слегка принужденным в кругу наших друзей. Примерно поэтому мы регулярно едим в лучших ресторанах Лондона, но редко говорим о том, чтобы поужинать в ресторане. Не должно быть намека, что это какой-то особый повод. Все должно выглядеть спонтанным и быть недооцененным, даже если мы посещаем такие места, которые нужно бронировать за несколько недель, иногда становиться в список ожидания или пообещать освободить столик через полтора часа. Парадоксально, непринужденность ценится больше всего среди наших привлекательных друзей, так сильно старающихся во всем: оставаться стройными, оставаться на вершине, сохранять форму, быть в курсе всего, быть умны-

ми, красивыми, лучшими. Люди, которых мы с Дааном приглашаем в гости: банкиры, известные журналисты, финансовые директора, двадцать лет назад взявшие под крыло Интернет-стартапы и наблюдавшие за их процветанием, изредка бывают актеры, у которых многообещающие фильмы в Голливуде.

Но мне они нравятся.

Я этого не ожидала. Я намного более обычная во всех смыслах, чем все, кого до меня знал Даан. Имеется в виду, мои образование и происхождение очень обычные. Но мне повезло, что гены моих родителей столкнулись удачно и – нельзя сказать это скромно – я всегда считалась красивой. Некоторые сказали бы, что исключительно красивой. Хотя не мой отец, и раз он никогда этого не говорил, я никогда в это не верила и не ценила. Ну, до встречи с Дааном. Тогда я поняла, что красота – это мое достоинство. Сначала, когда он говорил со мной о своих друзьях из элитной частной школы или Гарварда, или о холеных, впечатляющих коллегах и клиентах, с которыми хотел меня познакомить, мне было страшновато, я была уверена, что они мне не понравятся – или, того хуже, я не понравлюсь им. Но я была приятно удивлена. Да, некоторые из них заносчивые и скучные, другие – поверхностные и тщеславные, но многие – интересные, мотивированные, амбициозные. Оказалось, меня захватывают истории о их разнообразных ролях в различных сферах. Я не глупая, я могу с легкостью постоять за себя, и мои достаточ-

ные знания о мире и очевидный к ним интерес в сочетании с моей стройной фигурой и высокими скулами означают, что в большинстве случаев я отлично вписываюсь в компанию.

Нельзя сказать, что я могу устать от друзей Даана, соперничать или завидовать кому-то из них, потому что хоть мы и устраиваем дружеские встречи раз в неделю, наши гости постоянно меняются. От меня не ждут, что я стану лучшими подругами с любой из точеных и подтянутых бизнесвумен или красивых трофейных жен, которые навещают нас. Мужчины помнят мою очаровательность, но обычно осведомляются у Даана о его «милой жене», не потрудившись запомнить мое имя. Занятые люди не ожидают близости, просто стимуляции.

Хоть я обычно вижусь с большинством этих людей примерно раз в полгода, иногда реже, я веду записи, кто когда нас навещает, что я подавала (или что подавали официанты), кто сидел рядом с кем, чтобы избежать катастрофы, дважды подав одно и то же блюдо. Вот какой уровень организации стоит за обыденным «о, вы должны заглянуть на ужин».

Во вторник мы ожидаем шестерых гостей. Женщину-депутата и ее любезного, улыбчивого, лысеющего мужа, и двоих клиентов Даана, которые все еще имеют жен, что очень удобно. Это составит приятную компанию, но это результат хорошей организации, а не удачи. Даан думает о таких вещах. Никаких очевидных *faux pas* не предвидится. Я могу угадать, как каждый из них голосовал на последних выбо-

рах. Жены клиентов несомненно обнаружат, что у них есть общие знакомые, скорее всего, в связи с подготовительными школами их детей. Я осознаю, что жду этого с нетерпением. Вероятно, будет неловкий момент, когда одна из женщин неизбежно поинтересуется возрастом наших детей. И я объясню, что у нас их нет. Иногда я добавляю «пока», чтобы облегчить груз стыда, иногда появляющийся, когда люди слышат об отсутствии у нас детей. Что мы чайлдфри. В зависимости от точки зрения. Некоторые идут дальше и спрашивают, почему нет. Решив, что мы имеем желание и возможность. Другие вежливо бормочут: «Ну, вы еще молоды, время есть». Опять же, решив, что у нас есть желание и возможность.

Более вежливые гости просто меняют ход разговора; они спрашивают, как мы познакомились, потому что у всех есть милая история знакомства, даже если нет детей. Это безопасная территория. Было ли это благодаря технологиям или внезапно возникшей химии? Свайп вправо или встреча взглядов в людной комнате? Мы все еще такое большое значение придаем этому разделению. Как будто один из этих методов менее случаен.

Нас часто называют милой парой. Мы хорошо смотримся вместе. Мы часто смеемся. Много занимаемся спортом. Мы привычно просим друг друга закончить историю.

– Ты ее лучше рассказываешь!

– Нет, расскажи ты!

Но история нашего знакомства всегда достается мне без споров. Начало всегда кажется самым сладким кусочком. Вечное, неизменное. Это история, постоянно рассказываемая друзьям и родственникам, блестящая и сияющая несмотря на постоянные повторы. Возможно, она сверкает даже больше, словно каждый раз ее полируют – что, я полагаю, в каком-то смысле правда.

Даже в нашем случае. Несмотря на все.

– Я тоже по вам скучаю, – говорю я Даану.

10

Кэй

Четыре года назад

Солнце сияет. Я имею в виду, действительно беззаботно сияет, а сейчас всего лишь март, поэтому у нас не было права ожидать этого. Обычно яркое солнце доставляет мне непревзойденное удовольствие, но сегодня оно кажется издевкой. Разве не должен идти дождь? Не должно быть серо и тоскливо? Я не могу оставаться в офисе, есть сэндвич, как обычно сторбившись над своим столом. Лучше уж по полной воспользоваться хорошей погодой, позволить солнцу успокоить меня – мне нужно утешение. Работа – это какое-то наказание. Все кажется наказанием.

Я только что узнала о смерти отца. Буквально только что, сегодня утром. Я не могу осознать. Я не могу представить, что его больше нет на планете. Нет больше нигде. Фредди, старший из моих троих сводных братьев, позвонил мне на рабочий телефон. Я не знаю, откуда он взял этот номер. Не помню, чтобы давала его ему. Я помню, что записывала его для папы вместе с моими мобильными и домашними номерами много лет назад. Возможности связаться со мной, нацарапанные на блокноте у телефона, ютящегося в коридоре. Строгом, сдержанном. Как все в моем отце. Возможно ли, что блокнот оставался на том же месте все эти годы и Фредди его нашел? Или же папа переписал номера в свою адресную книжку? Я не знаю, но обнаруживаю, что думаю об этой тонкой паутинке тоски, надежды, чего-либо, протянувшейся между нами.

Он умер неожиданно. По крайней мере, для меня. Я не знала, что он болел, потому что мы переживаем один из тех периодов отчуждения друг от друга, которые иногда у нас случаются. *Переживали* один из периодов. *Случались*. Прошедшее время. Смешное формальное слово, *отчуждение*. Мы вдаемся в формальности, не так ли? Когда нам стыдно, грустно, или мы просто подавлены. Я не знаю, когда еще используется это слово, если не в отношении семейных раздоров между мужьями и женами, родителями и детьми. Люди, которые должны быть ближе всего друг другу, становятся *чужими*. Мы с отцом не виделись больше года. Мы разговари-

вали на его день рождения, все закончилось плохо, что бывало часто из-за многих лет напряжения и презрения, бурлящих под поверхностью наших отношений, всегда угрожающих взорваться. Полагаю, до этого момента. Теперь уж ничего не взорвется. И мы не помиримся. Ничего не сделаем.

Моему отцу всегда нравилось делать вид, что он пытается идти навстречу, а я упрямлюсь, капризничаю. Подразумевалось, что разочаровывающим моментом наших отношений было то, что мы не нашли общий язык, когда на деле разочарование – отсутствие отношений. *Было* отсутствие отношений. И теперь мы не сможем их построить. Моему отцу нравилось создавать иллюзию, что он был мне хорошим отцом, справедливым, что я была наравне с его тремя сыновьями. Что он так же усердно пытался осчастливить меня, как их, и даже больше. Это тоже доставляло боль. Потому что на деле ему никогда не нужно было стараться с ними, это было легко.

После того звонка на день рождения, мы обменялись лишь несколькими сообщениями. Этим утром, когда Фредди неловко преподнес новости, моей первой мыслью, естественно, было: «мне стоило звонить чаще», потому что именно об этом люди думают в такие моменты. Сожаление – это рефлекс. Оказывается, ему диагностировали рак восемь месяцев назад. Почему Фредди не связался со мной до этого? Теперь уже слишком поздно. Но я не виню моего светловолосого, голубоглазого брата. Я никогда не винила ни одного из них за то, что родились после меня, вторглись в мое

пространство и невольно вытолкали меня из него. Для того, чтобы кого-то обвинять, нужны определенная уверенность в себе и своих правах. У меня никогда такого не было в отношении моего отца.

Да и что бы я сказала? Эти так и не случившиеся звонки были бы испещрены долгим молчанием, неловкими паузами, недопониманиями. Обвинениями. Нам всегда было сложно разговаривать друг с другом, даже в лучшие времена. Когда бы это ни было.

Я не особо люблю делиться чувствами. Я не хочу рассказывать коллегам свои новости. Я знаю, они засуетятся. Доброта заставит их отправить меня домой, но я не хочу этого. И не хочу их сочувствия, когда я не уверена, что его заслуживаю. Я часто говорила, что ненавижу своего отца – ему в лицо, моей матери, своим парням, лежа в постели с простынями, запятнанными сексом. Я не ненавидела отца, и я никогда острее не осознавала этого факта, чем в момент, когда я поняла, что не смогу больше ему об этом сказать.

Все утро я продолжаю работать, будто ничего не изменилось. Я всегда отлично скрывала эмоции, а также развила способность отодвигать проблемы на задний план. Я провожу совещание, отправляю письма, делаю звонки. Потом кто-то отменяет мою первую послеобеденную встречу, освобождая в моем расписании редкое трехчасовое окно. Этот промежуток пугает меня. Я хочу быть занятой, не думать. У меня гора непрочитанных писем и стратегический полугодич-

ный проект, над которым надо поразмыслить, но я сомневаюсь в своей способности сконцентрироваться на этих делах, поэтому я говорю своей ассистентке, что поработаю вне офиса. Я планирую найти кафе с Интернетом, окружить себя отвлекающими незнакомцами, за которыми могу наблюдать и, может, обменяться с ними ни к чему не обязывающим словечком.

Я бреду по Пикадилли, пытаюсь оставаться в моменте, не поддаваться горию, которое раздувается в моей груди, не давая мне ровно дышать. Я пролила много слез по моему отцу задолго до его смерти. Достаточно слез. Слишком много. Я не хочу попусту лить еще. Я благодарна за солнечный свет – он выманил людей из офисов и квартир, так что улицы набиты битком. Я концентрируюсь на маневрировании между спешащими пешеходами. Окружающие кажутся нацеленными, собранными. На контрасте мне кажется, что я бесцельно дрейфую. Я заглядываю в окна кофеен, но мой изначальный план разбить лагерь в одной из них потерял свою привлекательность. Я плетусь дальше, но мне немного жмут мои туфли, высоковатые для ходьбы по лондонским улицам. Внезапно жара кажется неуютной; на тротуарах прилив людей, а я рыбка, плывущая не в том направлении. Мне тошно, немного кружится голова. Поэтому я ныряю в прохладный и более спокойный двор Королевской академии.

Я усаживаюсь на лестнице галереи и копаюсь в сумке, ища бутылку воды. Я попиваю из нее, а затем теряю несколько

минут. Я одета в темно-синие брюки, поэтому мне вскоре становится жарко в голених. Я снимаю пиджак, и кожа на руках начинает покалывать под палящим солнцем. Пот стекает по спине. Шок от известия о смерти моего отца расплзается по мне, парализуя. Если бы шел дождь, я бы, наверное, все еще была бы прикована к лестнице, мокрая насквозь, поэтому солнце – это подарок.

Во дворе много людей и это меня радует. Я хочу, чтобы меня окружало движение людей. Живых, настоящих. Чтобы оно блокировало то, о чем мне очевидно нужно подумать, осознать. Все в заметно более приподнятом настроении из-за неоправданно солнечной погоды. Я пытаюсь решить, насколько я готова в это втянуться. Разговор с незнакомцем по крайней мере поможет скоротать время.

Убить время.

От этой мысли меня еще сильнее тошнит. Я не хочу думать, сколько времени я уже убила. Времени, которое я не верну. Нам дается только одна жизнь. У моего отца она кончилась. Его смерть повлияла на нас обоих.

Королевская академия привлекает эклектичную толпу. В основном она состоит из порядочных стариков. Можно быть человеком и похуже. Некоторые люди – изменщики, лжецы. Некоторые уклоняются от своих обязательств. Некоторые застряли в прошлом и попусту тратят настоящее. Тут также есть женщины в ярких юбках и шарфах, сплетничающие со своими друзьями о внуках и невестках. Я замечаю пожилого

джентльмена с желтым галстуком и шляпой из другого столетия, девушку в юбке с леопардовым принтом, юношу с фиолетовым ирокезом. Каждая деталь этого калейдоскопа человечества отпечатывается в моем мозгу.

Среди них есть школьницы, разбившие пикник на лестнице – болтающие, хихикающие, запыхавшиеся. Я изучаю их, улавливаю отрывки разговоров о начинках сэндвичей, мальчиках и домашних заданиях. Им оглашают, что через две минуты нужно уходить. Шум усиливается, когда они начинают вставать, искать мусорные баки. Им нужно найти туалеты, зайти в сувенирную лавку, в последний раз взглянуть на... Они проходят мимо меня – неровными группками, некоторые еще жадно жуют, другие похлопывают по плоским животам, но все равно беспокоятся, что съели слишком много – меня поражает длина их ног и их запах. Они выглядят как подростки, но пахнут как дети: потом, мелками, бумагой, шоколадом, восторгом и всем таким. Что-то нарастает в моем сердце, колет, а затем отпускает. Группки детей всегда оставляют меня с ощущением найденного и утраченного сокровища. Их юбки поддернуты на поясе, по-видимому, этот прием не устаревает.

Школьницы исчезают под прохладными арками, оставляя убежище галереи и высыпаясь обрано на лондонские улицы; забитое метро, хаотичные очереди – типичный Лондон.

Я закрываю глаза и откидываюсь, опираясь на низкий парапет лестницы. Думаю, я задремала. Мое тело и мозг за-

медляются, отключаются. У меня это всегда хорошо получалось. Отключаться это техника выживания. Я не знаю, прошли ли мгновения, минуты, часы, когда я просыпаюсь в растерянности. Я ощущаю запах марихуаны. Землистый, травянистый, сладковатый аромат всегда заставляет меня почувствовать себя слегка неловко, потому что я никогда не пробовала наркотики. Я знаю, невероятно – и поэтому запах травы для меня является сигналом, что кто-то бесконечно смелее меня находится поблизости. И все же я также знаю, что трава считается начальным наркотиком – подростки иногда вообще не считают ее наркотиком – поэтому я считаю курильщиков марихуаны слегка лузерами. Я открываю глаза, ожидая увидеть неухоженного, отекающего парня в шапочке и с пухлым косяком, нескромно свисающим с губ. Вместо этого я обнаруживаю воплощение изысканности, красоты, уверенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.